Месть обожаемой
жены ледяного
генерального директора

Cassy_3

Месть обожаемой жены ледяного генерального директора. Книга 3

«China Literature»

Cassy_3

Месть обожаемой жены ледяного генерального директора. Книга 3 / Cassy_3 — «China Literature», — (Месть обожаемой жены ледяного генерального директора)

Семь лет назад Руби Эмеральд думала, что её брак можно спасти любовью. В годовщину свадьбы она готовилась рассказать мужу о беременности, но вместо счастья получила предательство: застала его с бывшей и услышала слова, которые разрушили её окончательно. В тот же день Руби потеряла ребёнка – своё тихое чудо, о котором так и не успела никому рассказать. Годы спустя жизнь снова загоняет её в угол. Матери нужна дорогая операция, семейный бизнес тонет в долгах, а у Руби больше нет ни времени, ни вариантов. Тогда в её больничную палату приходит Макс Байрон – отчим её бывшего мужа, влиятельный мужчина с безупречной выдержкой и опасной властью. Он предлагает решить все её проблемы. Но цена помощи слишком высока: Руби должна стать его женой. Их брак начинается как сделка, где нет места чувствам, доверию и надежде. Но рядом с Максом холодные границы постепенно начинают трескаться, а между ними рождается притяжение, которого Руби не планировала и не хотела. Теперь ей предстоит понять, что опаснее: снова довериться мужчине после предательства – или признать, что этот брак по расчёту может стать единственным местом, где её сердце наконец перестанет болеть.

© Cassy_3
© China Literature

Содержание

Глава 101. О, Серон 5
Глава 102. Её путь к руинам 8
Глава 103. Гость в тюрьме 10
Глава 104. Синдикат Дракона 13
Глава 105. Ультиматум 16
Глава 106. Деньги — дело наживное 19
Глава 107. Было хорошо?? 22
Глава 108. Не могу тебя простить 26
Глава 109. Обслуживание на дому 29
Глава 110. Жди моего хода 32
Глава 111. Явиться с повинной 35
Глава 112. Аквариум 38
Глава 113. Брендинг 40
Глава 114. Сильные мира сего 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Месть обожаемой жены ледяного генерального директора

Глава 101. О, Серон

Вайолет выкарабкалась наружу. Её одежда была разорвана, волосы растрёпаны, но глаза сверкали безумной, торжествующей яростью. Она окинула взглядом хаос, и её взгляд впился прямо в Серона, прижатого за стопкой поддонов.

— О, Серон! — рассмеялась она, и этот звук прорезал грохот выстрелов. — Ты и вправду сын своего отца. Думал, сможешь срежиссировать наше падение? Мы готовились к этому моменту с тех пор, как ты ещё был в пелёнках.

Эйс схватил её, потащив к ожидающему внедорожнику. Группа спасения открыла шквальный огонь на подавление, создавая путь к свободе.

Когда машины с визгом умчались во тьму, Серон остался позади, дрожа в наступившей оглушительной тишине. Он пытался играть на два фронта, но теперь с тяжёлым сердцем осознал, что проиграл на обоих.

—

Макс наконец-то прибыл в убежище Вайолет.

Внутри все считали, что худшее позади. Ускользнув из рук полиции, они позволили себе расслабиться, уверенные в своей победе. Напряжение, державшее их в тонусе, начало спадать, и впервые за долгое время они почувствовали себя в безопасности.

Но они ошибались.

Макс и его команда действовали с точностью и без шума, обезвреживая каждого охранника, расставленного по периметру убежища, прежде чем кто-либо успел поднять тревогу. Одного за другим они обезвредили их всех. Даже Эйс, самый доверенный и опасный из них, был повержен.

В итоге осталась только Вайолет.

А затем настал момент, который всё изменил.

Когда Макс наконец предстал перед Вайолет, на этот раз не было никаких масок. Никаких укрытий. Никакой маскировки. Никаких теней, скрывающих правду.

Только они вдвоём, наконец-то лицом к лицу.

И в этот тихий, тягостный миг всё стало реальным.

Пронзительный смех Вайолет эхом отразился от холодных каменных стен убежища. Она поправила свой помятый пиджак, её взгляд впился в глаза Макса со смесью злобы и леденящей фамильярности.

— О, Макс, — ухмыльнулась она, и её голос сочился ядом. — Между нами не может быть всё «кончено». У нас ведь есть наш маленький секрет, не так ли? Помнишь, что было двадцать лет назад? Что подумает мир, если узнает, что ты сделал на самом деле? Что подумает твоя драгоценная Руби, если узнает, что ты не тот святой, каким она тебя считает?

Она сделала шаг к нему с хищным взглядом. — Ты проделал великолепную работу, выставив меня злодейкой, и да, теперь мир будет видеть меня именно такой. Но скажи мне, Макс, сможет ли мир выдержать твою правду? Сможет ли он вынести гниль под твоим лоском?

Макс не дрогнул. Он смотрел на неё с жуткой, спокойной отстранённостью. — Мы встретились лицом к лицу спустя двадцать лет, и ты права... я должен был принести подарок.

Вайолет изогнула идеально ухоженную бровь, её губа скривилась в усмешке. — И где же он? — Он будет здесь через две секунды, — ответил Макс, проверяя часы. — Раз... два.

Словно по команде, тишина леса снаружи была разорвана. Рёв моторов, хаотичные крики офицеров и ослепительные вспышки фотокамер хлынули в убежище. Было почти утро, и серый предрассветный свет выхватывал танцующие в комнате пылинки.

Макс указал на дверь, где десятки репортёров сдерживались оцеплением из спецназа.

— Ты любишь внимание, Вайолет, — сказал Макс, и холодная, торжествующая улыбка расползлась по его лицу.

— Поэтому я привёл сюда все крупнейшие медиахолдинги города, чтобы они стали свидетелями твоего возвращения. Это не просто рейд, это публичный спектакль.

С лица Вайолет схлынула краска, её самообладание наконец-то дало трещину, когда в открытом дверном проёме начали быстро щёлкать камеры. Тогда она поняла, что не будет никаких тихих сделок, никаких замятых исчезновений. С неё срывали маску на глазах у всего мира.

Она посмотрела на Макса, и выражение её лица застыло маской чистой ненависти. — Думаешь, ты победил? Тюрьма меня не удержит. Я и дня не просижу за решёткой, но я подарю тебе эту маленькую победу. Благодаря тебе имя Вайолет Браун снова у всех на устах.

Полицейские вошли, их тяжёлые ботинки загрохотали по полу. Когда они схватили её за руки, чтобы вывести, Вайолет не сопротивлялась. Она шла с мрачной, царственной надменностью, позволяя камерам запечатлеть, как её усаживают в полицейскую машину.

Макс стоял в центре склада, наблюдая, как гаснут огни удаляющегося конвоя. В глубине души он знал: у неё обширные связи, и она, скорее всего, выйдет на свободу через несколько недель, а может, и дней. Она была как таракан, выживающий в любом пожаре.

Но в этот миг он был хозяином положения. Он вытащил её из тени и заставил мир взглянуть на неё. Он сделал долгий, ровный вдох, чувствуя, как груз последних двадцати лет наконец-то сдвигается с его плеч.

Он повернулся к двери, готовый вернуться домой к Руби, готовый быть тем человеком, которым она его считала, хотя бы ещё один день.

Дорога из промышленного района была долгой, и урчание мотора служило единственным саундтреком к вихрю хаоса в голове Макса. К тому времени, как ворота их поместья разъехались, солнце уже полностью взошло, бросая длинные золотистые тени на лужайку.

Мир просыпался под заголовки новостей об аресте Вайолет Браун, но внутри этих стен всё было мертвенно тихо.

Макс заглушил мотор и на мгновение замер, сжимая руль так, что заболели костяшки пальцев. Адреналин, который поддерживал его во время рейда, уступал место холодной, опустошающей усталости. Он подумал о медальоне, об обещании «Всегда Трое», и почувствовал острый, внезапный приступ страха.

«Что, если она узнает? — подумал он. — Что, если она разглядит за геройством человека, который двадцать лет назад заключал собственные сделки?»

Он отогнал эту мысль, похоронил её глубоко под решимостью, которую взращивал годами, и вышел из машины.

Он тихо вошёл внутрь. Дом был залит мягким утренним светом, и он нашёл Руби. Она была всё там же, хотя уже не в постели. Она стояла у большого кухонного окна с чашкой чая в руках и смотрела на восход.

На ней была его просторная рубашка на пуговицах, её волосы были растрёпаны после сна, и на секунду этот образ, такой домашний, такой невинный, заставил его сердце сжаться.

Она не обернулась, когда он вошёл, но её голос был ровным. — Ты дома. — Макс подошёл к ней, его шаги заглушал толстый ковёр. — Дома.

Наконец она повернулась, её глаза изучали его лицо, отмечая тёмные круги под глазами и случайные пылинки на пиджаке. Её взгляд опустился на его руки, затем снова на глаза.

Она не спросила, где он был; она, очевидно, уже знала. Новости уже гремели на всех экранах города.

— Всё кончено? — тихо спросила она.

Макс остановился в нескольких сантиметрах от неё; от него всё ещё пахло свежим воздухом и порохом. Он протянул руку, она замерла у её талии, а затем он притянул её к себе, упершись лбом в её лоб.

— Пока да, — прошептал он. — Мир знает, кто она. Она за решёткой, а улики слишком веские, чтобы даже её адвокаты смогли их замять.

Руби сделала прерывистый вздох, обвив руками его шею. Она не спрашивала о деталях. Не спрашивала, почему он не сказал ей, что собирается за ними. Она просто обнимала его, нуждаясь в опоре.

— Ты выглядишь измотанным, — сказала она, её большой палец провёл по линии его челюсти. — Иди наверх. Поспи. Я сейчас поднимусь.

Макс помедлил, ища в её глазах хотя бы проблеск беспокойства. Не найдя ничего, кроме тихой, усталой нежности, он кивнул и поцеловал её в висок.

Поднимаясь по лестнице и чувствуя, как тяжесть прошедшей ночи наконец давала о себе знать, он ощутил странное, пугающее чувство умиротворения.

Он лгал всему миру и скрывал правду от своих врагов, но в тишине их дома он мог почти поверить, что он — тот мужчина, которого она заслуживает.

Глава 102. Её путь к руинам

Двигатель седана пощёлкивал — это ритмичное металлическое сердцебиение вторило пульсации в висках Нэнси. Снаружи мир расплывался в тошнотворное пятно из синих и красных огней.

Нэнси вцепилась в руль так, что костяшки её пальцев побелели. Сквозь лобовое стекло, исполосованное струями дождя, она смотрела, как распахиваются двери участка.

Два офицера, казавшиеся гигантами в своём тактическом снаряжении, тащили обезумевшую, растрёпанную Вайолет ко входу в участок. За ними в наручниках шёл Эйс; на смену его обычной надменности пришёл пустой, затравленный взгляд.

Нэнси почувствовала, как в горле застрял рваный смешок. Правосудие казалось таким ничтожным, если смотреть на него из-за приборной панели.

Её тело кричало — нутряным, глубинным воем, который не могла заглушить никакая сила воли. Она солгала Руби, глядя ей прямо в глаза с отрепетированной, безмятежной улыбкой. «Я чиста, Руби. Тяга прошла», — прошептала она, играя роль благодарной выжившей.

Это был единственный выход. Если бы Макс или Руби увидели, как зудит её кожа, как зрение затягивает серой пеленой ломки, они бы утащили её обратно в тот стерильный реабилитационный центр с белыми стенами. Они называли это «защитой». Нэнси знала, что это клетка. Она не могла годами гнить в этом заведении, пока люди, сломавшие её, гуляют на свободе.

Ей нужна была свобода. Ей нужна была месть. Но больше всего на свете ей нужна была доза.

Её рука дрожала, когда она потянулась к бардачку. Она извлекла гладкий, тяжёлый девятимиллиметровый пистолет. Холодная сталь в её потной ладони словно возвращала на землю.

«Один выстрел», — подумала она, не сводя глаз с затылка Вайолет. — «Один выстрел за каждую ночь, проведённую в том аду».

Она потянулась к дверной ручке и большим пальцем сняла пистолет с предохранителя. Дыхание сбилось на короткие, рваные вдохи. И в тот самый миг, когда она приготовилась выйти под дождь и со всем покончить, пассажирская дверь щёлкнула и открылась.

Машина просела. Сиденье рядом с ней заполнила тень.

Прежде чем она успела вскинуть оружие, твёрдая, тёплая рука сжала её запястье, пригвоздив его к коленям. Нэнси замерла. Тесный салон наполнил запах дорогого одеколона и давнего предательства.

Ей не нужно было смотреть, чтобы понять, кто это.

— У тебя хватает наглости показываться мне на глаза, — выплюнула Нэнси. Её голос был лишь бледной, хриплой тенью самого себя.

Она медленно повернула голову. Там сидел Джулиан, такой же невозмутимый, как и в тот день, когда он её обманул, когда передал её Вайолет, словно скотину. Его глаза были тёмными, нечитаемыми и до бешенства спокойными.

— Нэнси, не надо, — мягко сказал он.

— Ты в моём списке первый, — прошипела она, борясь с дрожью и высвобождая руку ровно настолько, чтобы направить ствол ему в грудь. — Я убью тебя. Прямо здесь. И мне плевать, что копы в паре шагов отсюда.

Пистолет в её руке сильно дрожал. Это был не страх — это была ломка. Нервы были на пределе, а отсутствие наркотика превращало кровь в жидкий огонь. Она смотрела на Джулиана сквозь пелену холодного пота, и её палец всё сильнее сжимал спусковой крючок.

— Моя жизнь уже кончена, Джулиан, — прошептала она; её глаза дико блестели. — Что значит ещё один труп?

Салон автомобиля будто сжался под тяжестью присутствия Джулиана. Он даже не вздрогнул, глядя в дуло пистолета. Вместо этого он слегка наклонился вперёд, и его голос превратился в низкий, мелодичный рокот, который царапал обнажённые нервы Нэнси.

— Я понимаю, — прошептал он, не сводя с неё глаз. — Мне жаль, что я так поступил. Я выполнял приказ, Нэнси. Это нормально — ненавидеть меня. Ты вправе меня ненавидеть. Но позволь мне помочь тебе. Эйс, Вайолет, Диего, Элиас… они все в твоём списке, не так ли? Я их знаю. Я знаю, чем они дышат. Позволь мне помочь тебе их убрать.

Палец Нэнси дёрнулся на спусковом крючке. В груди заклокотал холодный, циничный смех. — А кто сказал, что мне нужна твоя помощь? Вайолет и Эйс уже в системе. Остальные последуют за ними. Нетрудно будет найти кого-нибудь, кто прикончит их, когда они окажутся за решёткой.

Выражение лица Джулиана не изменилось, но по нему на миг скользнула тень жалости — от этого взгляда Нэнси захотелось закричать.

— Ты и вправду их не знаешь, да? — мягко спросил Джулиан. — Они и недели там не протянут. Вернее, система не продержит их и недели. Хочешь посмотреть? Давай. Приведи себя в порядок. Я покажу тебе, как именно вершится твоё «правосудие».

Нэнси смотрела на него, её грудь тяжело вздымалась. Ломка ощущалась физической тяжестью, от которой кружилась голова, но искра подозрения, зажжённая Джулианом, жгла сильнее, чем жар. Медленно её рука обмякла. Тяжёлый пистолет с глухим стуком упал на обивку сиденья.

Джулиан провёл её сквозь тени за полицейским участком. Он двигался с отточенной грацией хищника, проскользнув через тяжёлую служебную дверь, которая должна была быть заперта. Он не говорил ни слова, лишь сжимал её локоть, ведя по тусклым, пахнущим лимоном коридорам заднего крыла участка.

Он подвёл её к тяжёлой стальной двери с маленьким армированным смотровым окошком. — Смотри, — приказал он.

Нэнси прижалась лицом к стеклу. У неё перехватило дыхание.

Она ожидала увидеть Вайолет и Эйса в оранжевых тюремных робах, плачущих или кричащих за решёткой. Вместо этого комната больше походила на частную гостиную, чем на камеру предварительного заключения.

Вайолет сидела в мягком кресле, наручников на ней давно не было. Женщина-офицер протягивала ей стопку свежей дизайнерской одежды и дымящуюся чашку крафтового кофе.

Напротив неё Эйс, откинувшись, прислонился к столу и смеялся с детективом, который должен был его допрашивать. На столе между ними стояли закуски: изысканная выпечка и свежие фрукты — словно оскорбление для изголодавшегося, ноющего тела Нэнси.

Их не оформляли. Их принимали как гостей.

— Они не заключённые, Нэнси, — прошептал Джулиан ей на ухо, и его холодное дыхание обожгло кожу. — Они — гости. К утру бумаги «исчезнут», и они вернутся в свои шёлковые простыни, пока ты будешь трястись в угнанной машине.

Глава 103. Гость в тюрьме

Это зрелище жгло сильнее ломки. Предательство закона было зазубренной пилюлей, которую она не могла проглотить. Нэнси смотрела, как Вайолет сделала медленный, вальяжный глоток кофе; на лице женщины не было и тени страха.

Список в голове Нэнси становился всё длиннее, а чернила превращались в кровь.

Флуоресцентные лампы в коридоре мерцали, отбрасывая стробоскопические тени на бледное, покрытое липким потом лицо Нэнси.

Хватка Джулиана на её локте стала крепче — твёрдая и непреклонная, — когда он развернул её от смотрового стекла. Он не просто вёл её, он тащил к выходу, прежде чем её дрожащие руки успели схватиться за ручку двери, чтобы ворваться в ту комнату.

«Она работает с высокопоставленными людьми, Нэнси, — прошептал Джулиан, и его голос был низкой, настойчивой вибрацией, пока они выходили обратно на прохладный ночной воздух. — Я слышал, её прикрывают большие шишки в политике. Это синдикат, целая машина. Она там — второй человек. Тебе не победить её в открытую. Ты будешь мертва прежде, чем выйдешь из вестибюля».

Эта информация сразила Нэнси, словно удар, но её мозг отказывался вникать в политику. Вид Вайолет, которая с ухмылкой попивала кофе, находясь в комфорте и под защитой, оборвал тонкую нить самообладания Нэнси.

Её тело начало бунтовать.

Сильная дрожь зародилась в её костях и пошла по всему телу. Голова дёрнулась в сторону в резком, непроизвольном тике, а пальцы, скрючившись в когти, царапали воздух.

Низкий, животный стон вырвался из её горла. Иллюзия здоровья, которую она так успешно изображала перед Максом и Руби, таяла, оставляя после себя женщину, испепеляемую изнутри невидимым огнём.

Джулиан не выказал ни отвращения, ни шока. Он просто схватил её за оба запястья и потащил сквозь дождь к машине. Он втолкнул её на пассажирское сиденье — то самое, которое только что занимал сам, — и скользнул за руль.

«Сиди смирно», — приказал он, и двигатель взревел под его рукой. Шины взвизгнули, когда он рванул от тротуара, оставляя сине-красные огни участка в зеркале заднего вида. «Я достану тебе что-нибудь, чтобы успокоить нервы, как только мы отъедем отсюда».

Нэнси обмякла и прислонилась к окну, прижавшись лбом к холодному стеклу. От вибрации машины, казалось, у неё вот-вот раскрошатся зубы. Сквозь туман агонии её сознание пронзила догадка.

«Ты… следил за мной?» — сумела она выдавить из себя, и голос её сорвался.

Профиль Джулиана резко очерченным силуэтом вырисовывался на фоне пролетающих мимо уличных фонарей. Он не смотрел на неё, его взгляд был прикован к дороге, а вёл он с хищной сосредоточенностью.

«Да, — спокойно признал он. — Я присматривал за тобой. Думал, реабилитация тебе поможет. Я хотел верить, что ты сможешь выбраться, снова стать цельной». Он переключил передачу, и машина рванула вперёд. «Но я ошибся. Ты не можешь с этого слезть, вред уже слишком серьёзный. Можно лишь контролировать дозу».

Он потянулся и на мгновение накрыл её руку своей. Этот жест должен был ощущаться как посягательство, но в её ослабленном состоянии он показался спасительным якорем.

«Теперь у тебя есть я, Нэнси, — сказал Джулиан, и его голос опустился до того самого тёмного, соблазнительного тона, который однажды погубил её. — Я о тебе позабочусь».

Нэнси закрыла глаза, и её захлестнула горькая ирония. Мужчина, который её продал, теперь был единственным, кто давал ей лекарство. Она снова стала пленницей, но на этот раз прутья её клетки были из химикатов, а тюремщиком — призрак из прошлого.

—-

Утреннее солнце, тёплое и беззастенчивое, заливало пуховое одеяло. Впервые за многие месяцы Руби сделала вдох, не отягощённый страхом. Она потянулась, чувствуя, как расслабляются мышцы, пока в сознании укоренялась мысль: Вайолет и Эйс за решёткой. Монстры в клетке. Она чувствовала себя лёгкой, почти хрупкой в своём новом счастье, словно ребёнок, проснувшийся в мире, где тени наконец перестали двигаться.

Но Макс рядом с ней был изваянием, сотканным из напряжения.

Он сидел на краю кровати, ссутулив широкие плечи, словно готовясь к удару. Чувство вины, которое он нёс в себе со смерти матери Руби, не рассеялось с арестами; наоборот, оно свернулось в холодный, твёрдый узел у него в животе.

Он знал, как играет Вайолет: она ломала не только кости, но и души. И она держала в руках тот единственный осколок его прошлого, что мог испепелить жизнь, которую он пытался построить.

«Руби, — начал Макс глухим, шершавым голосом. Он не повернулся к ней. Не мог. — Есть ещё кое-что из моего прошлого, о чём я должен тебе рассказать».

Атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Призрак его стыда заполнил пространство между ними. Он был в ужасе — его охватил первобытный страх, что, как только эти слова сорвутся с его губ, свет в глазах Руби погаснет навсегда. Но он должен был это сказать, должен был опередить Вайолет, пока она не использовала это как гранату, брошенную из камеры.

Руби села, и шёлковые простыни зашелестели. Она изучала его затылок, видя дрожь, которую он так отчаянно пытался скрыть.

«Послушай меня, детка, — мягко сказала она уверенным и спокойным голосом. — Я знаю, Вайолет могла что-то сказать или напомнить тебе о чём-то из тех лет, когда мы ещё не были „нами“. Но если эта история способна изменить то, как я счастлива сейчас… тогда я не хочу её знать».

Она протянула руку, и её ладонь замерла в нескольких сантиметрах от его спины. «Скажи мне. Это как-то связано со мной? Или с нами? Это произошло, когда мы уже были вместе?»

Макс медленно покачал головой, и у него вырвался рваный вздох. «Нет. Это было задолго до тебя».

«Тогда я не хочу об этом знать», — твёрдо прошептала Руби. Она придвинулась ближе, обняла его за талию и прижалась щекой к его спине. «Какой бы призрак ни преследовал тебя, Макс, он не живёт в этом доме. Он не живёт в этой постели. Я выбираю тебя — того, какой ты есть сегодня».

Макс крепко зажмурился, и по его щеке скатилась одинокая слеза. Груз не исчез, тайна всё ещё была там, тикая, как часы, но внезапный ужас отступил. Он развернулся в её объятиях, притянув её к себе в отчаянном, сокрушительном порыве и уткнувшись лицом в изгиб её шеи.

«Я люблю тебя, Руби. Очень сильно», — выдавил он, и эти слова были одновременно и клятвой, и мольбой. «Я стану мужчиной, которого ты по-настоящему заслуживаешь. Я обещаю».

Пока он обнимал её, тишина в комнате казалась Руби умиротворяющей. Но для Макса эта тишина была ложью. Он знал: до тех пор, пока Вайолет дышит, его прошлое никогда не будет похоронено по-настоящему.

Покой в комнате был чем-то хрупким, тонким слоем стекла, который Руби была полна решимости не дать треснуть. Она немного отстранилась, взяла лицо Макса в ладони и провела большими пальцами по его скулам.

«Я знаю, — прошептала она, и её голос был успокаивающим бальзамом для его истерзанных нервов. — И ты уже и есть тот самый мужчина, Макс. Не позволяй прошлому украсть того, кем ты стал».

Глава 104. Синдикат Дракона

На несколько золотых минут внешний мир перестал существовать. Они лежали, запутавшись в простынях, в тишине и безопасности, которые дарило им присутствие друг друга — редкий миг тихого смеха и шёпота обещаний, казавшийся щитом от тьмы последних нескольких месяцев.

Затем тяжёлый стук в дверь разбил тишину.

Сэмюэл вошёл в комнату походкой, лишённой обычной уверенности. Его лицо было маской мрачного долга, а взгляд избегал их глаз.

— Новости плохие, — произнёс Сэмюэл, и его слова упали, как свинцовые гири.

Руби резко и устало выдохнула, её плечи напряглись, когда она села. То «младенческое» умиротворение, которое она ощутила при пробуждении, уже испарялось. — Я уже привыкла, — сказала она, и в её голосе прозвучала горькая ирония.

— Каждый раз, когда ты появляешься, Сэмюэл, ты приносишь плохие новости. Что на этот раз? Участок сгорел дотла?

Сэмюэл вздохнул, собираясь с духом. — Миа вышла под залог. Она уже на свободе.

Это имя обрушилось на комнату, словно ушат ледяной воды. Челюсти Руби сжались, её руки стиснули одеяло так, что костяшки пальцев побелели. Миа, эта змея, сыгравшая свою роль в покушении на её жизнь, разгуливала на свободе, пока чернила на протоколах ареста едва успели высохнуть.

— Залог? — прошипела Руби, и её глаза сверкнули внезапным, опасным огнём. — Как это вообще возможно? Она пыталась убить меня, устроив тот инцидент с лифтом, если бы мы этого не предвидели, а ещё всё то мошенничество с её новой компанией!

Макс почувствовал, как знакомый ужас вцепился ему в горло. Он знал, как это работает: если Миа на свободе, значит, её отец и его дядя уже дёргают за ниточки.

Руби заходила по комнате, гнев которой, казалось, вибрировал в воздухе, но она остановила себя, сделав долгий, прерывистый вдох. Она посмотрела на Макса, затем снова на Сэмюэла.

— Прекрасно, — рявкнула она, пытаясь отвоевать хоть какое-то чувство победы. — Миа на свободе. Пусть бегает. Но у нас всё ещё есть крупная рыба. Вайолет в клетке, и Эйс там же, с ней. Пока эти двое за решёткой, я могу дышать.

Она не знала, что в этот самый момент Вайолет пьёт крафтовый кофе в комнате, которая ничуть не походила на тюремную камеру.

—--

Воздух в тускло освещённой квартире был пропитан запахом дорогих сигарет и дешёвого отчаяния. Миа металась по комнате, словно хищница в клетке, её каблуки выстукивали по паркету лихорадочный, рваный ритм.

Напротив неё невозмутимо сидела Акация, наблюдая за этой истерикой с отстранённой скукой, что лишь подпитывало ярость Миа.

— Где ты была? — взорвалась Миа, её голос сорвался, когда она набросилась на Акацию. — Я гнила в камере предварительного заключения, со мной обращались, как с обычной уличной воровкой, а ты и пальцем не пошевелила! Ни адвокатов, ни взяток, ничего!

Акация даже не моргнула. Она медленно выпустила в воздух струйку дыма. — А что я могла сделать, Миа? Подумай. Ты — Байрон, это у тебя имя и родословная. Не у меня. Я не собиралась входить в полицейский участок и преподносить им ещё одну голову на блюдечке с голубой каёмочкой только потому, что ты оплошала.

Лицо Миа исказилось. Фамилия «Байрон», которая обычно ощущалась как броня, теперь казалась мишенью на её спине. — Эта фамилия ничего не значит, пока Руби всё ещё дышит, — прошипела она.

— Она носит наследника. Она гнездится в том доме, будто ей уже принадлежит вся империя. Пока она и то… нечто внутри неё существуют, я — не более чем сноска в истории.

— Что ж, тебе лучше придумать новую стратегию, — напомнила ей Акация, её голос стал холодным и бесстрастным. — Амитекс больше нет. Твоя семья? Они официально от тебя открестились. Я звонила в поместье — они не берут трубку, когда звонишь ты. Они назвали тебя неудачницей, Миа. Обузой.

Слово «неудачница» ударило по Миа сильнее, чем сам арест. Её родная кровь отвернулась от неё. Она чувствовала, как стены её мира смыкаются: ни семьи, ни юридической защиты, и глупая соплячка, которая выигрывает войну за общественное мнение.

— Они считают меня бесполезной? — прошептала Миа, её глаза потемнели и стали пустыми. — Они думают, что раз у меня больше нет семейных связей, со мной покончено? Я им покажу. Я им всем покажу.

Она повернулась к Акации, и по её губам расползлась безумная ухмылка. — Мой отец и двоюродный дед считают меня мягкотелой, думают, что я играю по правилам, которых больше не существует. Если мы хотим покончить с Руби и вернуть то, что принадлежит мне, мне нужна тень иного рода.

— О чём ты говоришь? — спросила Акация, наконец выпрямившись.

— Синдикат Дракона, — произнесла Миа, и это название было на вкус как железо. — У них настоящая власть в этой стране. Их не волнуют генеалогические древа, их волнуют результаты. Отмывание денег, торговля людьми… они — скрытый двигатель этого города. У них есть политики, полиция и нужная нам сила, и именно оттуда мой отец и черпает свою власть.

Миа наклонилась над столом, и её тень вытянулась на стене. — Я не собираюсь ползти обратно к отцу, я присоединюсь к Драконам. Мы начнём с самого низа, если придётся, но мы прогрызём себе путь наверх. И когда мы это сделаем, мы не просто заберём империю Байронов, мы сожжём мир Руби дотла и будем танцевать на пепелище.

Акация посмотрела на Миа, видя, как отчаяние в ней перерастает в нечто куда более опасное — в решимость женщины, которой нечего терять. — Я слышала, Драконы не жалуют неудачников, Миа. Если мы туда сунемся, обратной дороги не будет.

— Отлично, — рявкнула Миа. — Я больше не оглядываюсь назад.

—--

Осознание ударило Серона под дых. Он стоял в стерильной, ярко освещённой оценочной комнате подпольного ювелира, уставившись на бриллианты, рассыпанные по бархатному подносу.

— Высококачественное стекло, пацан, — процедил ювелир, отодвигая их обратно к нему. — Пустышки. Больше не приходи.

Он был призраком в собственном городе. Без денег, без рычагов влияния и с паспортом, который ощущался как смертный приговор. Дрожащими пальцами он набрал номер Акации — свой последний спасательный круг. После третьего гудка она ответила, и её голос был холоднее, чем дождь за окном.

— Больше не звони на этот номер, Серон, — рявкнула она прежде, чем он успел выдавить из себя приветствие. — Мне надоело, что ты меня используешь. Теперь ты сам по себе. — Связь оборвалась, и короткие гудки в трубке прозвучали, словно похоронный марш.

Не зная, куда податься, Серон оказался в полицейском участке, ожидая увидеть своих родителей в лохмотьях, рыдающими за решёткой. Вместо этого его провели в отдельное крыло.

Просторная комната охлаждалась бесшумным кондиционером и была обставлена кожаными креслами, которым самое место в зале заседаний корпорации. Его отец сидел и читал

газету, а Вайолет устроилась в углу, потягивая газированную воду. Это была не камера, а настоящий дворец.

Серон рухнул в кресло, закрыв лицо руками и разыгрывая единственную оставшуюся у него карту — карту жертвы. — Я не вызывал их, Мать. Клянусь. Я пытался их остановить, но Макс… он повсюду расставил полицию, прежде чем я успел что-либо предпринять.

Глава 105. Ультиматум

Вайолет встала, и её шёлковый халат затрепетал, когда она подошла к нему. Она положила ухоженную руку ему на плечо. — Я знаю, сынок, — промурлыкала она. В её глазах не было и намёка на стресс женщины, которой грозит пожизненное заключение. — Тебя там не было, когда вышибли двери. Я тебе верю.

— Но как? — пролепетал Серон, оглядывая окружавшую их роскошь. — Обвинения… улики, которые дал им Макс… всё кончено, да?

Вайолет издала низкий, мелодичный смешок, от которого у Серона по спине пробежал холодок. — Ты и вправду не знаешь, кто твоя мать, да? Ты думаешь, пара бумажек и обиженный Макс могут разрушить то, что я строила десятилетиями?

Она наклонилась ближе, её голос перешёл на заговорщицкий шёпот. — Я скоро отсюда выйду. И когда это случится, Макс заплатит за каждую секунду этого неудобства. Но ты, Серон… тебе пора повзрослеть.

Она подошла к окну и посмотрела на город так, словно он снова ей принадлежал. — У тебя есть выбор. Хочешь присоединиться к Синдикату Дракона по-настоящему? Или так и будешь валять дурака, бегая за девчонками и выпрашивая подачки?

Серон ахнул. — Погоди… синдикат ещё больше? Больше того, что я видел?

Вайолет обернулась ровно настолько, чтобы накрыть его своей тенью. На её губах заиграла медленная, опасная улыбка, а глаза сверкали так, словно она уже знала его ответ.

— То, что ты видел? — мягко, почти с насмешкой, сказала она. — Это была лишь детская площадка.

Она дала словам повиснуть в воздухе, затем слегка наклонилась, и её голос стал темнее… насыщеннее.

— Синдикат Дракона, — продолжила она, — это сама кровь, что течёт по венам этой страны. Невидимый. Неприкасаемый. Неудержимый.

Пауза. Затем — зловещий блеск в глазах. — Присоединяйся, и ты будешь не просто жить — ты будешь править. Власть на кончиках пальцев. Деньги, которые никогда не кончаются. Женщины, о которых ты и мечтать не мог…

Выражение её лица мгновенно стало жёстким, теплота исчезла, словно её и не было.

— Но слушай внимательно, мой дорогой сын, — произнесла она, чеканя каждое слово. — Выхода нет. — Воздух, казалось, сгустился.

— Никаких вторых шансов. Не сбежать. Не спрятаться. Если ты нарушишь правила… если предашь метку… — Её немигающий взгляд впился в него. — Даже я, твоя родная мать, не смогу укрыть тебя от огня.

Тишина. Затем она медленно выпрямилась, и улыбка вернулась на её лицо — на этот раз более холодная.

— Итак, — пробормотала Вайолет, склонив голову, — что ты выберешь? — Пауза.

— Ты возвысишься как дракон?.. — её глаза сверкнули. — …или проведёшь жизнь как добыча?

Серон уставился на свои дрожащие руки, словно они ему не принадлежали, словно могли предать в любую секунду. Затем его взгляд поднялся, скользнув по удушающей роскоши материнской тюрьмы. Золото. Шёлк. Власть… в обличье клетки.

Его грудь сжало.

В животе густым, незнакомым узлом свернулся страх. Но под ним шевельнулось нечто иное. Горячее. Голодное.

Искушение.

Сам воздух здесь ощущался по-другому. Тяжёлый. Наэлектризованный. Словно дышать означало вдыхать нечто куда более опасное, чем кислород.

Он медленно поднял глаза — сначала на мать… потом на Эйса.

Его голос прозвучал хрипло, он едва держался, словно одно слово могло разрушить тот хрупкий самоконтроль, что у него остался.

— Их власть… — он сглотнул, в горле пересохло, а в глазах мелькнуло что-то тёмное, пробуждающееся, — …настолько глубока?

Вопрос повис в воздухе, но это был не просто вопрос. Это было притяжение. И впервые… Серон не был похож на того, кто хочет сбежать. Он был похож на человека, стоящего на краю костра…

…и гадающего, каково это — сгореть.

— Ты и понятия не имеешь, — сказал Эйс, и по его лицу расползлась медленная, кривая ухмылка.

Железная дверь со стоном отворилась, словно кланяясь чему-то куда более могущественному, чем сама тюрьма. Серон инстинктивно выпрямился, готовясь к обычным холодным взглядам, ещё более холодной еде и тишине.

Но тот, кто вошёл… разрушил всё. Вошёл мужчина в безупречной, отглаженной форме, его присутствие было резким, властным, знакомым. У Серона перехватило дыхание.

Он знал это лицо. Не с улиц. Не по шёпоту.

Из вечерних новостей. С трибун. С рукопожатий с президентами. Глава Комиссии. На долю секунды Серон ожидал власти, приказов, контроля, доминирования.

Вместо этого… Мужчина остановился.

Его каблуки щёлкнули. И с леденящей точностью он отдал честь. Не закону. Не государству. А Вайолет. И Эйсу.

У Серона отвисла челюсть, неверие обрушилось на него, как волна. Всё, что, как ему казалось, он понимал, все устои, все правила, вся граница между добром и злом — всё треснуло в одно мгновение.

Это была не коррупция. Это было владение.

— Он — член Синдиката, — гладко произнесла Вайолет, её голос был пронизан тёмным удовлетворением, словно она упивалась каждой секундой прозрения Серона.

Она сделала медленный шаг вперёд, её взгляд мельком скользнул по отдающему честь мужчине и вернулся к сыну.

— И он скоро нас отсюда вытащит. — Её губы изогнулись в резкой и беспощадной усмешке.

— «Закон»… — произнесла она, почти смеясь себе под нос, — …не более чем рекомендация.

Пауза. Затем её глаза сверкнули. — Когда ты владеешь теми, кто его пишет. — Тишина поглотила комнату. Но на этот раз грудь Серона сдавливал не страх.

Это было нечто куда более опасное. Понимание.

Она вновь обратила свой холодный, кошачий взгляд на сына. — Итак, Серон. Ты в деле? Или хочешь вернуться к своей «беззаботной» жизни с попрошайничеством и пустыми карманами?

Серон посмотрел на Комиссара, затем на комнату. Внешний мир его пожевал и выплюнул. — Мне некуда возвращаться, — пробормотал он дрожащим голосом. — Я хочу присоединиться. Но… я не буду никого убивать. Я не убийца.

Вайолет издала сухой, леденящий смех. — Тебе и не придётся, сынок. У нас для этого полно «чистильщиков». Можешь отвечать за девочек в «Аквариуме».

Серон нахмурился, от этого названия по нему пробежала волна беспокойства. — Что за «Аквариум»?

— Не волнуйся, — промурлыкала Вайолет, подходя ближе и похлопывая его по щеке. — Скоро узнаешь. Это место, где держат самые красивые «активы», прежде чем продать их тем, кто больше заплатит. Это требует деликатного подхода… и фамилии Байрон, чтобы держать их в узде.

Комиссар Полиции прокашлялся, его лицо стало серьёзным, когда он посмотрел на бумаги в руке. — Ваше освобождение обрабатывается прямо сейчас. Вы выйдете в течение сорока восьми часов из-за «технической формальности» в ордере на обыск.

Он сделал паузу, переводя взгляд с Вайолет на Эйса. — Но есть осложнение. Мои техники просканировали данные, которые передал Макс. Они слишком точные. Похоже, у Макса на ком-то из вас стоит жучок. Именно так он смог определить местоположение убежища с такой хирургической точностью.

Температура в комнате, казалось, упала на десять градусов. Взгляд Вайолет метнулся к Эйсу, а рука Эйса инстинктивно легла на затылок, выражение его лица окаменело.

— Жучок? — прошипела Вайолет, и роскошь комнаты внезапно показалась позолоченной ловушкой. — Всё это время он был в нашем кругу.

Эйс посмотрел на свои ботинки, затем снова на Вайолет. Он потянулся назад, его пальцы впились в линию роста волос у основания черепа, а лицо исказилось в маске чистой, неприкрытой ненависти.

— Думаю, он на мне, — прошипел Эйс, его голос был рваным скрежетом. — Проклятый ублюдок… должно быть, вживил в меня чип, пока я был в отключке. Я несколько дней чувствовал эту тупую, пульсирующую боль в затылке. Макс… я с тебя за это живьём шкуру спущу.

Он стиснул зубы, впиваясь ногтями в кожу, пытаясь выцарапать чужеродный предмет из собственной плоти.

Комиссар Полиции не колебался. Он шагнул вперёд, извлекая тонкое хирургическое лезвие из набора, спрятанного в его столе. — Не двигайся, — приказал он безэмоциональным голосом. — Если вырвешь сам, истечёшь кровью раньше, чем подпишут документы.

Эйс наклонился вперёд, вцепившись в край стола из красного дерева так, что дерево заскрипело. Одним-единственным, выверенным движением запястья Комиссар рассёк кожу. Появился маленький серебристый отблеск — микроскопический транспондер, скользкий от крови Эйса.

Чиновник уронил устройство на пол и раздавил его каблуком своего начищенного ботинка. Крошечный хруст пластика и кремния прозвучал как стартовый выстрел новой войны.

Вайолет наблюдала за происходящим холодным, расчётливым взглядом. Наконец-то все части головоломки сложились. Каждый шаг Макса, каждый «удачный» рейд — это была не интуиция. Это была прямая трансляция их жизни.

— Он достаточно видел, — сказала Вайолет, переводя взгляд на Серона, который дрожал при виде крови на полу. — Тебе лучше уйти, сынок. Возвращайся в отель, который я для тебя устроила. Не высовывайся. Теперь, когда публика знает моё лицо, твоя связь со мной — мишень. Оставайся там, сиди тихо, и я прикажу привести к тебе девочек, чтобы тебе не было… скучно.

Серон лихорадочно закивал, его взгляд метался от кровоточащей раны на шее Эйса к застывшему лицу матери. — Да, мама. Я пойду. Буду ждать твоего звонка.

Он попятился из комнаты, и дверь за ним щёлкнула, оставив чудовищ плести свои интриги.

Глава 106. Деньги — дело наживное

Эйс откинулся на спинку стула. Комиссар прижимал к его шее белую повязку, но сам Эйс не сводил глаз с того места на полу, где был раздавлен жучок.

— Он не просто следил за нами, Вайолет, — прорычал Эйс. Боль в шее подпитывалась куда более глубоким жжением в груди. — Из-за этой игрушки мы потеряли торговые пути. Потеряли контракт с «Амитекс». Потеряли миллионы. Мой бизнес истекает кровью, и всё это из-за этого жалкого, самодовольного ублюдка.

Вайолет подошла, и её тень накрыла его. Она протянула руку — пальцы были слегка испачканы кровью после извлечения жучка — и приподняла его подбородок.

— Деньги можно заработать снова, Эйс, — прошептала она, и её голос прозвучал низким, пугающим обещанием. — Но нужно дать ему понять. Макс думает, что играет в шахматы. Он не осознаёт, что мы уже перевернули доску. Как только мы выберемся из этих стен, мы ударим не просто по его бизнесу. Мы ударим в самое сердце.

Эйс откинулся назад, и жжение в шее сменилось холодным, расчётливым онемением. Он закрыл глаза, и на мгновение роскошная «камера» исчезла, уступив место мысленной карте империи, которую он десятилетие вырезал из костей этого города.

Макс был глупцом. Он вёл уличную войну с сердцем солдата, не понимая, что на самом деле противостоит суверенному государству теней.

Эйс медленно выдохнул. Воспоминания унесли его в то время, когда выживание не было гарантировано — его нужно было заслужить.

Синдикат Дракона не нанимал на работу. Он испытывал. Ломал. И пересоздавал заново.

Никаких контрактов, зарплат, страховочных сеток. Высшие Драконы не выписывали чеки — они вручали тебе кусок города и смотрели, что ты с ним сделаешь.

Территорию. Может, пару разваливающихся кварталов, где отчаяние смотрело из каждого окна. Может, полосу заброшенных складов — гниющих, но полных возможностей.

Или, если повезёт… сверкающую вереницу элитных ночных клубов, куда богачи приходили, чтобы забыть о морали.

Правила? Просты. Доминируй.

Ты брал грязные деньги — те, что пропитаны тайнами и кровью, — и отмывал их. Прогонял через прачечные, зарывал в строительные сделки, пропускал через лощёные «технологические стартапы», существовавшие лишь на бумаге.

Когда деньги снова всплывали на поверхность, они выглядели кристально чистыми. Неприкосновенными. Законными. Но не это закаляло людей.

Челюсти Эйса слегка сжались. Потому что потом начиналась настоящая работа. Рыбные Аквариумы. Красивое название для чего-то отвратительного.

Тщательно контролируемые пространства, скрытые за бархатными шторами и дверями с кодовыми замками, где Синдикат поставлял всё, что требовала элита, — без лишних вопросов и без каких-либо границ.

Это был не просто бизнес. Это была власть в её самой неприкрытой форме.

И если ты колебался… если сомневался… если проявлял хоть малейшую слабость… то не жил достаточно долго, чтобы успеть об этом пожалеть. Взгляд Эйса потемнел, когда он вернулся в настоящее.

Наркотики и оружие были смазкой, поддерживающей работу механизма. Если конкурирующая банда начинала давить, ты не просто дрался, ты превосходил их по вооружению, которого местная полиция даже в каталогах не видела.

Власть в Синдикате не даровалась. Её брали, а затем измеряли тем, сколько ты мог удержать, не захлебнувшись.

Чем больше прибыли ты приносил, тем выше поднимался. Просто. Жестоко. Эффективно. А Эйс?

Эйс взобрался. Не просто на вершину, а на ту пугающую высоту, с которой весь город перестал казаться местом… и стал похож на систему.

Механизм. Которым он мог управлять.

Каждый новый ранг приносил ему больше фигур на доске. Больше «солдат» для исполнения его воли. Больше «чистильщиков» для устранения ошибок. И больше «призраков» — тех, что носили костюмы, сидели в офисах и улыбались на камеры, незаметно прогибая мир в его пользу.

— Макс думает, что он разгромил преступную ячейку, — пробормотал Эйс, и его лицо перечеркнула резкая, опасная улыбка. — Думает, что отрубил голову змее.

Последовал тихий, безрадостный смешок. Он медленно перевёл взгляд.

В нескольких шагах от него стоял Комиссар Полиции, спокойно скармливая шредеру папку за папкой. Улики. Отчёты. Имена. Всё исчезало за секунды. Словно никогда и не существовало. Эйс наблюдал за этим без особого впечатления. Потому что это? Это было ничто.

За этими стенами паутина простиралась дальше, чем мог вообразить любой законник. Судьи, что одним росчерком пера перечёркивали правосудие. Портовые чиновники, что закрывали глаза на целые партии грузов. Решалы, способные заставить живого, дышащего человека исчезнуть между одним ударом сердца… и следующим.

Макс сражался с тенями на поверхности. Это было представление. Отвлекающий манёвр.

— Он понятия не имеет, — тихо продолжил Эйс, уже почти для себя, — с чем на самом деле столкнулся.

Его глаза потемнели, а голос стал ещё холоднее. — Теневая Армия… — И это не просто люди с оружием.

Тысячи. Пехотинцы, наводняющие улицы. Хакеры, способные разрушить жизнь несколькими нажатиями клавиш.

Влиятельные игроки, политики, магнаты, неприкасаемые — каждый из них был помечен невидимым клеймом Дракона.

Улыбка Эйса погасла, сменившись куда более серьёзным выражением. Потому что это была не просто империя.

Это был живой организм. А Макс? Макс не охотился на него. Он уже стоял в его пасти.

— Он принёс нож на ядерное противостояние, — прошептал Эйс. — Он отслеживал мои передвижения, но не отслеживал прилив. А прилив вот-вот начнётся.

Вайолет смотрела на него, и её глаза сверкали отражённым огнём. Она знала этот взгляд. Эйс не просто приходил в себя — он мобилизовал силы.

—-

Квартира Джулиана не соответствовала тому человеку, о котором шептались за спиной.

Слишком чисто. Слишком упорядоченно. Словно хаосу вход был воспрещён.

В воздухе витал слабый запах кожи, смешиваясь с резким, стерильным ароматом спирта. Всё, от элегантной мебели до нетронутых поверхностей, казалось продуманным. Расчётливым.

Нэнси прислонилась к мраморной столешнице, свободно скрестив руки, хотя в ней не было ни капли расслабленности. Внутри неё чувствовалась беспокойная энергия, тихая дрожь под кожей, которую она не могла скрыть.

Её глаза следили за каждым его движением.

Джулиан не поднимал головы, вертя в руке маленький флакон и легонько по нему постукивая. Его движения были плавными… отточенными. Словно он делал это сотни раз.

Возможно, так и было.

Нэнси тихо хмыкнула и, вскинув голову, метнула взгляд в сторону спальни, где шёлковые простыни ловили тусклый свет из-за приоткрытой двери.

Конечно. Идеально заправлено. Не тронуто.

— Ух ты, — пробормотала она с нотками сухого веселья в голосе, — здесь… мило. — Её взгляд снова вернулся к нему, став острее, настороженнее.

— Так скажи мне, — продолжила она, слегка оттолкнувшись от столешницы, чтобы перенести вес, — сколько девушек ты сюда приводил? — Наступила тишина.

Затем она лениво махнула рукой в сторону спальни. На её губах появилась ухмылка, но она не коснулась глаз.

— Это выставочный зал? — Вопрос повис между ними, наполовину шутка, наполовину вызов. Но под ним скрывалось нечто другое. Тихое.

Что-то, что звучало так, будто она на самом деле не хотела знать ответ.

— Ни одной, ты первая, — ответил Джулиан, не отрываясь от своего занятия и набирая прозрачную жидкость в шприц.

— Лжец, — рявкнула Нэнси, хотя резкость в её голосе ослабила внезапная дрожь.

— Это правда, Нэнси, — ответил он, поворачиваясь к ней. Он поднял иглу, и свет отразился в смертоносной капле на её кончике. — Вот, держи. Сама сделаешь или мне?

Нэнси уставилась на шприц. Он был её спасением и её клеткой, заключёнными в нескольких миллилитрах жидкости. Она сделала судорожный, глубокий вдох, и её лёгкие обожгло.

— Что поможет мне почувствовать себя лучше? — прошептала она, её взгляд метался от иглы к лицу Джулиана. — Наркотики? Или секс? Я устала быть призраком, Джулиан. Я больше не хочу быть оцепеневшей.

Джулиан подошёл ближе, накрыв её своей тенью. — Этот — другой, — произнёс он, его голос снова стал тёмным, убедительным шёлком. — Эта партия… она не вызовет оцепенения. Она заставит тебя чувствовать всё. Вознесёт тебя на вершину, а физическая сторона… становится легендарной.

В уголке его рта появилась едва заметная, всезнающая ухмылка.

— Почему ты улыбаешься? — прошипела Нэнси, сузив глаза. — Кто сказал, что это будешь ты? Я не буду с тобой спать. Больше никогда. Это из-за тебя я в этом аду.

Она протянула руку и выхватила шприц из его ладони, сжав его так сильно, что пластик затрещал.

Джулиан не выглядел оскорблённым. Он просто отступил на шаг, прислонился к кухонному острову и, скрестив руки, наблюдал за ней, как шахматист, который уже просчитал всё на десять ходов вперёд.

— Хорошо, Нэнси, — ровным тоном произнёс он, таким отстранённым, будто они обсуждали контракт на поставку стали. — Но я не могу позволить тебе бродить по улицам, когда будешь на пике. Ты станешь мишенью. Если не я, я найду тебе кого-нибудь другого. Кого угодно, чтобы помочь тебе снять напряжение.

Нэнси посмотрела на иглу, затем на Джулиана. Лихорадка побеждала. Ей казалось, что кожа стала слишком тесной для её костей.

— Ладно, — выплюнула она. Её гордость проигрывала войну химии. — Кого-нибудь высокого. Тёмного. И чтобы он говорил не так много, как ты.

Джулиан медленно, хищно кивнул. — Это я могу устроить. Иди в спальню. Я позвоню.

Нэнси повернулась к нему спиной и направилась к шёлковым простыням с лекарством в руке, не подозревая, что каждая «услуга» Джулиана была лишь очередным звеном в адской цепи, обвивавшей её шею.

Глава 107. Было хорошо??

Дверь щёлкнув, закрылась за спиной Джулиана, отрезая мир, который он так идеально контролировал.

В спальне всё казалось… мягче. Обманчиво.

Лёгкий аромат лаванды, впитавшийся в простыни, — чистый и почти успокаивающий — не мог полностью заглушить острый металлический привкус, что теперь пронизывал кровь Нэнси.

Миг, когда поршень пошёл вниз. Всё изменилось.

Резкие очертания комнаты расплылись, словно сама реальность сделала медленный, нетвёрдый вдох. Боль за глазами не исчезла… она преобразилась. Растаяла, превратившись во что-то более тёплое. Медленное. Глубокий, пульсирующий ритм, что разлился по её телу, зажигая каждый нерв, подобно тихой буре.

Нэнси выдохнула, её плечи расслабились, когда знакомая волна накрыла её.

Облегчение. Восхитительное. Временное.

Её пальцы слегка дёрнулись на простынях, а под кожей поселился лёгкий гул, электрический и живой. На мимолётное мгновение мир, казалось, перестал её давить.

И в этом была ловушка. Ведь, хотя её тело и сдавалось, разум оставался достаточно острым, чтобы распознать правду, что таилась под поверхностью.

Это было не бегство. Это была сделка. Частичка её… обмененная на несколько хрупких часов покоя.

Её веки дрогнули, с губ сорвался прерывистый вздох. Пугающе. Не только из-за того, что это с ней делало. Но и потому, что глубоко внутри… опасная часть её приветствовала это.

Дверь квартиры с тихим щелчком открылась. Первым вошёл Джулиан — спокойный, собранный, словно ничто в мире не могло его задеть. Но присутствие за его спиной? Оно меняло всё.

Мужчина, вошедший следом, не столько вошёл, сколько заполнил собой пространство. Высокий, пугающе высокий, с широкими плечами, которые, казалось, целиком поглотили свет из коридора. Его кожа была тёмной и гладкой, почти отражающей свет, словно отполированный обсидиан, которому придали форму человека.

Он один раз обвёл комнату взглядом. Холодным. Пустым. Не жестоким… не добрым… просто отстранённым. Это был не тот, кто приходит с иллюзиями романтики или даже вожделения.

Он был здесь ради одного. И он это знал.

Джулиан не стал утруждать себя представлениями. Он просто отошёл в сторону, сунув руку в карман, словно это была лишь очередная рутинная сделка.

Ещё одна ночь. Ещё одна сделка.

На кровати Нэнси едва шевельнулась, её тело застряло в туманном пространстве между осознанностью и забытьём. Мир всё ещё казался далёким, окутанным тёплым, опасным туманом, но не настолько, чтобы не заметить перемену в комнате или того, что ей предстояло сделать.

Ещё одно присутствие. Более тяжёлое. Другое.

Её ресницы слегка дрогнули, расфокусированный взгляд скользнул к дверному проёму. На секунду на её лице мелькнуло замешательство… а затем нечто иное.

Узнавание. Не мужчины. А ситуации. И где-то глубоко под химическим спокойствием что-то в груди сжалось. Потому что речь шла уже не об утешении. Даже не о контроле. Речь шла о капитуляции.

А мужчина, стоявший в дверях? Он был здесь не для того, чтобы её спасти.

— Он тебе нравится? — спросил Джулиан ровным голосом, оглядывая Нэнси так, словно проверял жизненные показатели пациента.

Нэнси не ответила. Она не могла. Кайф достигал пика — волна жара, от которой одежда казалась наждачной бумагой на её обострённо-чувствительной коже. Она просто кивнула и, дрожащими пальцами принявшись стаскивать с себя одежду, позволила ей упасть на пол бесформенной грудой.

Джулиан повернулся к мужчине. — У тебя тридцать минут. И без шума.

Мужчина не взглянул на Джулиана. Его взгляд был прикован к Нэнси, обводя очертания её тела с профессиональным, отстранённым голодом. — Нет, — сказал он, его голос был низким, хриплым рокотом. — Пусть будет сорок.

По лицу Нэнси расплылась медленная, туманная улыбка. Вызов, власть, которую даёт ощущение, что тебя хотят, — пусть даже за это и заплатили, — подарили ей мимолётное чувство контроля над жизнью, катящейся в пропасть.

Джулиан коротко кивнул и вышел, а тяжёлая дубовая дверь закрылась с глухим, окончательным стуком.

В комнате не было романтики. Ни тихой музыки, ни сладких слов, прошептанных на ухо, ни долгих поцелуев.

Мужчина двигался с механической расчётливостью. Он полез в карман, вытащил упаковку из фольги и с отработанной лёгкостью раскатал по себе латекс. Он не искал связи во взгляде Нэнси, он искал выход.

Когда он навис над ней, это было столкновение жара и трения. Он молчал, его дыхание вырывалось тяжёлыми, ритмичными толчками, пока он вбивался в неё, а его вес вдавливал её в кровать, в то время как её разум продолжал парить в химических облаках, предоставленных Джулианом.

Нэнси вцепилась в шёлковые простыни, запрокинув голову. Она не хотела думать о Максе. Она не хотела думать о Руби или о жизни, которую потеряла. В этой тусклой комнате, где руки незнакомца оставляли синяки на её бёдрах, а в вене всё ещё ощущался призрак иглы, она чувствовала нечто, что не было счастьем, но было так далеко от боли. Она не была ни жертвой, ни подругой, ни сестрой. Она была лишь телом, дрейфующим во тьме.

Тяжёлая дубовая дверь была лишь тонкой преградой для грубой, ритмичной симфонии, разыгрывавшейся в спальне. Джулиан не отошёл. Он прислонился спиной к стене коридора, и прохладная штукатурка резко контрастировала с жаром, который, он знал, исходил от простыней по ту сторону.

Каждые несколько секунд из комнаты доносился рваный стон с придыханием — напряжённый, высокий голос Нэнси, срывавшийся на химической эйфории, которую она ввела себе в вены. Это был не голос влюблённой женщины, это был звук, с которым женщину разбирают на части и собирают заново под весом незнакомца.

Джулиан полез во внутренний нагрудный карман и вытащил длинную тёмную сигару «Черчилль». Он обрезал кончик серебряной гильотиной, и щелчок лезвий подчеркнул особенно громкий крик Нэнси. Он чиркнул деревянной спичкой, и серная вспышка на миг осветила его холодные, немигающие глаза, прежде чем он поднёс пламя к табаку.

Он сделал глубокую, медленную затяжку, и кончик сигары вспыхнул яростно-оранжевым огнём. Он выдохнул густое облако сизого дыма, которое закружилось под потолком, маскируя всё ещё витавший в коридоре запах дорогого парфюма Нэнси.

Стук. Стук. Стук.

Изголовье кровати билось о стену в ровном, неумолимом ритме. Джулиан закрыл глаза, прислушиваясь к шороху шёлка и низким, гортанным хрипам нанятого им мужчины. Он не чувствовал ревности. Для Джулиана Нэнси не была женщиной, которую нужно завоёвывать, — она была проектом, которым нужно управлять.

Каждый её стон был подтверждением того, что «лекарство» действует, что её дух должным образом заглушён, а её бунтарство обменяли на физическую жажду, которую лишь он один мог утолить.

Он стряхнул пепел на паркетный пол с непроницаемым выражением лица. Внутри незнакомец был инструментом — тёмным, безмолвным молотом, отбивающим последние связи Нэнси с той девушкой, которой она была, и с миром, к которому она привыкла.

— Тридцать две минуты, — прошептал Джулиан в пустой коридор, взглянув на часы.

Ещё один стон прорвался сквозь дверь — на этот раз более долгий, переходящий в сдавленное рыдание освобождения. Джулиан сделал ещё одну затяжку, и дым обжёг горло — это ощущение было приземлённым и реальным. Он был архитектором этого хаоса, тем, кто держал в руках иглу и ключи от комнаты.

Он оставался там, безмолвным стражем в тусклом свете, окутанный дымом дорогого табака, ожидая, когда утихнет буря внутри, чтобы войти и забрать то, что от неё осталось.

Незнакомец поправил ремень, его лицо было бесстрастным, как камень, и вышел в коридор, пройдя сквозь остывающий шлейф сигарного дыма Джулиана. Он не оглянулся. Дверь ещё не успела до конца встать в проём, как Джулиан уже был внутри, и запах табака цеплялся за его шерстяное пальто.

Нэнси лежала, запутавшись в шёлковых простынях, её тело отяжелело и глубже погружалось в матрас, пока кайф притуплялся, превращаясь во что-то более медленное… густое. Острота ушла, сменившись тягучим жаром, что цеплялся за кожу, оставляя её раскрасневшейся и влажной, застрявшей где-то между осознанностью и изнеможением.

Теперь в комнате было тихо. Слишком тихо.

Джулиан подошёл ближе, его движения были неторопливыми, выверенными. В нём не было ни спешки, ни следа хаоса, только что пронёсшегося по комнате. Там, где другой протянул бы руку с голодом или нерешительностью, он действовал с точностью.

Ткань. Тёплая вода.

Он опустился на колени рядом с ней, осторожно убрал влажные пряди волос с её лица, а затем прижал ткань к коже, стирая блеск пота — остатки всего, что у неё не было сил осмыслить. Его прикосновения были осторожными.

Почти… благоговейными. Но в них было что-то тревожное.

Потому что это были не прикосновения любовника. Это были прикосновения человека, пытающегося починить то, что уже было сломано.

Нэнси почти не шевелилась, её дыхание было медленным, сбивчивым, а тело — слишком истощено, чтобы сопротивляться или отвечать. Она существовала в том хрупком пространстве, куда не могла в полной мере дотянуться боль, но и утешение — тоже.

Челюсти Джулиана сжались, пока он молча работал. Потому что он знал. Точно знал, что это такое. И во что он это превратил.

На краткий миг его рука замерла на её руке, и тепло её кожи приземляло его так, как он того не заслуживал.

Если бы он выбрал другой путь…

Если бы он прислушался к тому безрассудному, несбыточному голосу, что велел ему бежать, забрать её подальше от всего этого. Её бы здесь не было.

Не лежала бы в этой кровати, опустошённая миром, к которому ей никогда не следовало прикасаться. Не выглядела бы такой… хрупкой.

Его взгляд потемнел, что-то тяжёлое осело в его глазах. Потому что правда была жестока в своей простоте.

Он не спас её. Не защитил. Он отдал её. Вайолет. Всему этому. И теперь? Всё, что он мог сделать… это убирать последствия.

— Было хорошо, — прошептала Нэнси, её расфокусированный взгляд был устремлён на вращающийся над головой потолочный вентилятор. Тёмный, рваный голод уже скребся в пустоте, оставленной мужчиной. — Скольких парней ты можешь найти для меня за день, Джулиан?

Глава 108. Не могу тебя простить

Джулиан замер, влажная ткань зависла над её бедром. Он посмотрел на неё, и на его лице застыла маска профессионального сожаления.

— На сегодня, прости, но это всё, — мягко сказал он. — Тебе нужно отдохнуть. Твоё тело сейчас большего не выдержит. Но… я могу сделать несколько звонков. Я могу подыскать тебе больше клиентов с завтрашнего дня. Мужчин, которые хорошо заплатят за такую привилегию.

— Но я хочу ещё, — вскрикнула Нэнси, её голос сорвался; надрывный, отчаянный звук эхом отозвался от минималистичных стен.

Наркотик внушал ей, что она пуста, что её нужно наполнить, использовать и отвлечь, пока воспоминания о её старой жизни не будут погребены под горой незнакомцев. — Ещё только середина дня, Джулиан. Не оставляй меня в таком состоянии.

Джулиан вздохнул — вздох усталого терпения. — Я посмотрю, что можно будет сделать позже вечером. А пока оставайся в постели. Я схожу принесу тебе еды. Тебе нужно есть, если хочешь это продолжать.

Когда он повернулся, чтобы уйти, Нэнси приподнялась на локтях, её растрёпанные волосы ореолом выделялись на подушках. Эйфория шла на спад, позволяя первым уколам реальности пронзить её.

— Тебе было больно? — спросила она, её голос был тихим и резким. — Когда ты слышал нас за дверью… тебе было больно?

Джулиан остановился на пороге. Он не обернулся, но его плечи напряглись под пиджаком. Тишина между ними растянулась, тяжёлая и удушающая.

— Я знаю, что тебе больно, — сказал Джулиан низким, напряжённым голосом. — И я сделаю всё, что угодно, абсолютно всё, чтобы с тобой снова всё было в порядке. Если это то, что нужно, чтобы удержать тебя от крика, то я это обеспечу.

— Я не могу тебя простить, — сказала Нэнси, и одна-единственная горячая слеза прочертила дорожку на её грязной щеке. — Что бы ты мне ни дал, Джулиан. Я никогда не смогу простить то, что ты сделал.

Джулиан стоял так ещё долгое мгновение, и тень из коридора поглощала его фигуру.

— Я знаю, — прошептал он едва слышно.

Дверь со щелчком закрылась, оставив Нэнси одну в тишине комнаты, её тело жаждало прикосновений, которые она ненавидела, и наркотика, медленно стиравшего ту женщину, которой она была раньше.

—----

Послеполуденное солнце висело низко и тяжело, заливая особняк Байронов золотом, словно пытаясь утопить всё в фальшивом покое. Бассейн мерцал ослепительным бирюзовым простором, его поверхность была расколота резкими, танцующими бликами, на которые было больно смотреть слишком долго.

Слишком ярко. Слишком спокойно. Словно ложь.

Руби сидела на краю, опустив ноги в прохладную воду; лёгкая рябь расходилась кругами от каждого её малейшего движения. Она не ёрзала. Не двигалась с места.

Она просто… смотрела. Туда, за ворота. Мимо иллюзии безопасности. В сторону чего-то, чьё приближение, казалось, чувствовала только она.

На мгновение поместье затаило дыхание. Вдалеке лениво стрекотали цикады, заполняя тишину, но недостаточно, чтобы заглушить напряжение, свернувшееся под её кожей.

Потому что этот покой? Он не был настоящим. Он был заёмным. Хрупким. И уже ускользал сквозь пальцы.

— Что мы будем делать… — голос Руби прозвучал тихо, почти теряясь в зное, — …если Вайолет выйдет на свободу?

Вопрос повис в воздухе, тяжелее самого солнца.

Она сглотнула, её взгляд едва заметно посуровел, словно она складывала воедино то, что не хотела понимать.

— Судя по тому, как идут дела… и по тому, что я слышу… — Она едва заметно покачала головой. — Это не похоже на поведение проигравшего.

Её пальцы замерли в воде.

Больше никакой ряби. Лишь неподвижность. Потому что в глубине души Руби спрашивала не о том, вернётся ли Вайолет.

Она спрашивала, что они будут делать… когда она вернётся.

Макс глубже опустился в шезлонг; послеполуденный зной был не в силах остудить бурю, назревавшую в его взгляде. Его челюсти были сжаты, костяшки пальцев побелели, когда он стучал по планшету, который внезапно показался бесполезным.

GPS-карта на экране смотрела на него, словно насмешка, застывшая на последних известных координатах полицейского участка.

— Я знаю, что за ней стоит кто-то влиятельный, — пробормотал он, его голос был тихим, но резким, и в каждом слове сквозило разочарование, которое он не мог скрыть. — Я начинаю думать, что это не просто банда. Это целая машина, Руби. Целый синдикат. Крупнее, чем мы представляли. — Его взгляд метнулся к пустому месту, где должен был быть чип на Эйсе. — Они его нашли. Его больше нет. Я больше не могу их отследить.

Рука Руби нашла его руку, тёплая и уверенная, переплетая их пальцы небольшим, успокаивающим жестом. Она склонила голову ему на плечо, её голос был тихим, но твёрдым. — Я знаю, что нам противостоят влиятельные люди. Но даже упрятать их в тюрьму на один день… это уже победа. Это доказывает, что они не неприкасаемы.

Макс издал долгий, дрожащий вздох, и напряжение в его плечах ослабло лишь на толику под влиянием её тихой уверенности.

Пальцы Руби слегка сжались на его руке. — Мы не прекратим борьбу, — прошептала она, и это прозвучало как обещание и вызов одновременно.

И впервые за весь день Макс позволил себе поверить ей. — Нет, — добавил Макс, и его голос окреп, наполнившись новой решимостью. — Не прекратим.

Макс повернулся к ней, и тяжесть политического страха и бесконечных расчётов в его груди уступила место чему-то первобытному — защитному, почти инстинктивному. Его взгляд смягчился, мрачное напряжение растаяло, сменившись сосредоточенностью на ней одной.

Он наклонился и коснулся её губ в затяжном, нежном поцелуе, таком медленном, что мир за пределами сада исчез. Когда он отстранился, его рука уже сжимала её ладонь; пальцы крепко обхватили её, когда он встал и без усилий поднял её на ноги.

Руби позволила себя поднять, её тихий и сбивчивый смех слабым эхом отразился от мраморных, залитых солнцем стен.

Затем, без колебаний, они вместе нырнули.

Вода поглотила их в свои прохладные, будоражащие объятия. Звук всплеска приглушили высокие садовые стены, внешний мир сжался до нуля, остались лишь они вдвоём, бирюзовый бассейн и солнце, капающее золотом на поверхность и застывающее на каплях, словно россыпь драгоценностей.

Под водой мир был лишь приглушённой, бесконечной синевой. Звуки искажались и растягивались, окутывая их в уединённую тишину, где время замедлилось, а опасности не существовало.

Когда они вынырнули на поверхность, Макс тут же подхватил её, его сильные руки обвили её талию, и он приподнял её так, что прохлада бассейна поддерживала её на плаву.

Смех Руби вырвался наружу, резкий и сбивчивый, прерывая поцелуй, а мокрые пряди волос прилипли к её щекам.

— Что ты делаешь? — спросила она с нотками досады и восторга, её глаза сверкали, несмотря на капли, стекающие по лицу.

Макс усмехнулся, и озорная тень, которую Руби не видела уже несколько недель, вернулась в глубину его тёмных глаз.

— Я спросил у доктора, — сказал он тихим и дразнящим, почти заговорщицким голосом. — Он сказал, что всё в порядке… если я буду нежен.

У Руби перехватило дыхание, оно стало резким и прерывистым, когда Макс прижал её к нагретой солнцем плитке бассейна. Мир за садом — синдикаты, пропавшие жучки, тень Вайолет — растворился в небытии, сменившись запахом хлорки и электрическим притяжением их близости.

Её ноги инстинктивно обвились вокруг его талии, закрепляясь на нём, пока адреналин и желание смешивались с прохладой воды.

Её пальцы вонзились в его плечи, очерчивая изгиб мышц, напряжённых от сдерживаемой силы, и она держалась за него так, словно, отпустив, могла разрушить хрупкое убежище, которое они для себя создали.

Макс наклонился ближе, его губы коснулись изгиба её шеи — медленное, осознанное прикосновение, от которого воздух между ними, казалось, зашипел. Напряжение внешнего мира всё ещё слабо гудело под поверхностью, когда он отодвинул в сторону её купальник.

Он вошёл в неё с медленной, осознанной нежностью, его движения резко контрастировали с насилием, с которым они боролись снаружи. Дело было не только в страсти; дело было в том, чтобы вновь обрести друг друга.

Пока он качался, прижимая её к стене, единственными звуками были тихий плеск воды о камень и ритмичные, синхронные вздохи двух людей, пытающихся забыть, что мир пылает прямо за их воротами.

Вода ритмично плескалась о плиточный край бассейна, служа мягким аккомпанементом их тяжёлому, синхронному дыханию. Руки Макса крепкими якорями лежали на бёдрах Руби, удерживая её, пока вода поддерживала их на плаву, превращая каждое движение в замедленный танец трения и жара.

Голова Руби откинулась назад на нагретый солнцем камень, её глаза трепетно закрылись, и низкий, прерывистый стон сорвался с её губ.

Страх перед Вайолет, стресс из-за Синдиката и бремя фамилии Байрон — всё это тонуло в бирюзовых глубинах. Осталось лишь ощущение Макса: его сердце, бьющееся о её грудь, его горячее дыхание на её шее и уверенная, защищающая сила его тела.

— Макс... — прошептала она, её пальцы запутались в его мокрых волосах, притягивая его ближе, в то время как напряжение в её пояснице начало скручиваться в тугой, электрический узел.

Он не отстранился. Он наклонился, его губы нашли чувствительную ямочку на её шее, а голос превратился в низкое, вибрирующее рычание. — Я с тобой, Руби. Я не позволю ничему тебя коснуться.

Глава 109. Обслуживание на дому

Темп сменился, нежное покачивание переросло в нечто более отчаянное и завершающее. Руби вцепилась в его плечи, её костяшки пальцев побелели, и весь мир сузился до той единственной точки, где их тела сливались воедино.

Внезапный, резкий вздох вырвался из её лёгких, когда волна наконец схлынула — безмолвный взрыв облегчения и наслаждения, заставивший её прильнуть к нему, словно он был единственной твердыней в зыбком море. Макс последовал за ней мгновением позже. Он прижался лбом к её лбу, и его прерывистое дыхание сбивалось, пока он крепко держал её, даруя опору им обоим.

Последовавшая тишина была томной и сладкой. Они ещё долго оставались так, и вода остужала их кожу, а солнце продолжало медленно клониться к горизонту.

Наконец Макс отстранился, но не дал её ногам коснуться дна. Он вынес её из воды, и в лучах послеполуденного солнца капли на их коже засияли, словно бриллианты.

Он взял с ближайшего шезлонга пушистое, огромное полотенце, укутал её плечи и снова подхватил её на руки.

— Макс, я могу идти сама, — пробормотала Руби с сонной, довольной улыбкой, прислонившись головой к его влажной груди.

— Не сегодня, — ответил он, и его голос был густым от оберегающей нежности.

Макс легко пронёс её сквозь высокие стеклянные двери. Лучи предвечернего солнца ложились длинными золотистыми полосами на полированный пол. Он шёл уверенным, целенаправленным шагом, каждое его движение было выверенным, словно здесь его не мог коснуться хаос минувшего дня.

В доме царила тишина, персонал уже давно разъехался по домам, оставив их наедине в гулкой тишине поместья Байрон.

Добравшись до хозяйской спальни, он осторожно опустил её на хрустящие прохладные простыни, позволяя ей погрузиться в покой этого убежища. Но не отстранился.

Вместо этого он лёг рядом — осторожно, неторопливо — и укрыл их обоих одеялом. Адреналин минувшего дня медленно отступал, оставляя после себя усталость, пропитавшую до самых костей и укутавшую их в тихий кокон.

Дыхание Руби стало мягче и ровнее. Она погружалась в сон без сновидений, и напряжение внешнего мира на время исчезло.

Макс не спал, оставаясь начеку. Его рука оберегала её и ту жизнь, что тихо росла внутри. Он, безмолвный страж в угасающем свете, смотрел на дверь, зная, что этот покой, сколь бы мимолётным он ни был, достался им дорогой ценой.

—

Серон распахнул тяжёлую дверь из красного дерева, ожидая услышать тишину. В номере витал затхлый запах его собственного ужаса, смешанный с металлическим привкусом крови и ледяным отпечатком власти, свидетелем которой он только что стал в «тюрьме» своей матери. Он приготовился к пустоте, к знакомой сокрушительной тяжести неудачи, давящей на грудь.

Но… она была там.

У окна стояла фигура, очерченная резкими золотыми лучами послеполуденного солнца. Свет ловил каждую линию её тела, каждый изгиб и угол казались выверенными, притягивающими взгляд. Её наряд почти ничего не скрывал, но в позе не было и намёка на соблазнение — ни улыбки, ни мягкости.

Она тут же встретилась с ним взглядом. Нейтральным. Профессиональным. Непоколебимым. Полностью сосредоточенным на нём, словно она видела каждую трещинку в его мыслях и точно просчитывала, как её использовать или обуздать.

На миг сердце Серона замерло, а воздух вокруг сгустился. Власть не всегда ревёт — иногда она выжидает, тихая и острая, как сейчас. И в этот момент у неё было имя, физическое воплощение, и она стояла в солнечном свете, глядя прямо на него.

Голос Серона дрогнул, выдав больше напряжения, чем он намеревался. — Ты кто?

Губы девушки изогнулись в лёгкой, почти отрепетированной улыбке, но её взгляд не дрогнул. — Меня прислали для оказания услуг на дому, — сказала она обыденным, отстранённым тоном, будто сообщала прогноз погоды или приносила поднос с едой.

Серон издал резкий, циничный смешок — а может, это был просто вздох недоверия. Он шагнул ближе, намеренно окинув её взглядом с ног до головы, подмечая каждое выверенное движение.

— Ты имеешь в виду *эти* услуги? — его слова рассекли воздух, подкреплённые намеренным, недвусмысленным движением бёдер.

Она не вздрогнула. Не дрогнула.

Вместо этого она просто кивнула — спокойно, сдержанно, абсолютно невозмутимо.

— Именно, — произнесла она ровным, нейтральным голосом, в котором, однако, ощущалась властная тяжесть.

Серон на мгновение замер, осознав, что она здесь не для того, чтобы подыгрывать.

— Хорошо, — пробормотал Серон, его слова прозвучали низко, почти как рычание. Он захлопнул дверь ногой. Щелчок замка прозвучал как приговор, эхом отразившись в тишине номера. — Мне это нравится.

Тёмный, пьянящий трепет пронзил его, дикий и необузданный. Это было не просто желание, а благоговение с привкусом чего-то опасного. Его мать, запертая за решёткой, лишённая свободы, с растоптанной репутацией…

И всё же.

Даже из этой клетки она управляла тенями города, словно искусный скульптор. Каждый переулок, каждый шёпот, каждая верная рука во тьме двигались по её приказу, подчиняясь, чтобы обеспечивать, манипулировать, служить… чтобы питать его.

От этой мысли по его спине пробежала дрожь тёмного восхищения. Такая власть не просто впечатляла — она развращала, пленяла и шептала обещания, противиться которым, как знал Серон, было бы глупо.

В тот момент, стоя в запертом номере с её ожидающим агентом, он осознал нечто опасное: свобода — не власть. Страх — не власть. А вот контроль? Повелевать миром, даже не касаясь его… вот что пьянило.

И он хотел этого. Всего без остатка.

Остаток дня прошёл в тумане ощущений, размытых и пьянящих — тех, которым Серон позволял себе предаваться. Воспоминания о полицейском участке, холодном железе камеры, металлическом привкусе крови — всё это пыталось вцепиться в него, но он стремился смыть это прочь.

Душ был долгим и горячим, пар окутывал его, словно защитная завеса. Каждая капля скатывалась по коже, унося с собой грязь, напряжение и тяжесть увиденного. На несколько мимолётных минут внешний мир перестал существовать.

Когда он вышел, и с его волос всё ещё капала вода, а пар обволакивал тело, комната показалась другой — наэлектризованной, полной выжидания. Она была там. Уже.

Сидела на краю огромной кровати — готовая, терпеливая, каждый мускул под контролем. Волосы убраны назад, лицо невозмутимо, а глаза — тот самый пронзительный, расчётливый взгляд — были прикованы к нему, словно она только его и ждала.

Ни колебаний. Ни притворства. Просто наблюдала, оценивала и молча давала понять, что она хозяйка момента.

— Можно? — прошептала она, протягивая руки.

Серон коротко кивнул и рухнул на матрас. Он заворожённо и отстранённо наблюдал, как она приступила к работе. Её прикосновения были отточенными — ритмичная, уверенная работа рукой, которая обходила стороной любую романтику и была нацелена исключительно на биологическую реакцию.

Пока он твердел под её прикосновениями, остатки тревоги об «Аквариуме» и Синдикате начали растворяться в глухом, приятном гуле.

Как только он был готов, она не стала ждать приглашения. Плавными, атлетичными движениями она взобралась на него. Она ввела его в себя медленным, выверенным скольжением, от которого Серон ахнул, а его голова откинулась на изголовье кровати.

— Просто лежи, — пробормотала она. — Я всё сделаю сама.

Серон повиновался. Он откинулся на локти, наблюдая, как её тело движется в тусклом свете номера. Она была невероятна: её темп был неумолим, контроль — абсолютным. Она двигалась с механическим совершенством, в котором Серон узнал отличительный знак подготовки Синдиката.

Это была не девка из клуба, а актив из Аквариума — живой инструмент, созданный для услады Драконов.

Время от времени голод в его крови вспыхивал. Он протягивал руки, и его большие ладони сжимали её талию, впиваясь в кожу, чтобы резче дёрнуть её на себя или ускорить темп. Она отзывалась на его прикосновения, как идеально настроенный инструмент, подстраивая свой ритм под силу его хватки.

В этой комнате, наполненной запахом дорогого парфюма и пота, Серон снова почувствовал себя королём. Ему было плевать на фальшивые бриллианты и полицию. Если это и значит быть Драконом, то он был готов перестать валять дурака.

Послеполуденный свет пробивался сквозь плотные гостиничные шторы, бросая на кровать длинные янтарные полосы, а Серон позволил ритму полностью захватить себя. Утренняя тревога стала тускнеющим воспоминанием, вытесненная трением и жаром тела девушки, двигавшейся над ним.

После нескольких минут, в течение которых она вела, Серон почувствовал, как в кровь вернулся беспокойный прилив адреналина. Он протянул руки, сжал ладонями её талию и внезапным мощным рывком перевернул её на спину. Он не сказал ни слова, просто навис над ней, и его тень поглотила её хрупкую фигуру.

Он схватил её за лодыжки и закинул ноги себе на плечи, так что она оказалась сложенной под ним. Он ворвался в неё с новой, агрессивной настойчивостью, и его дыхание перехватило, когда он ощутил всю мощь услуг Синдиката.

Здесь он не был неудачником, здесь он всё контролировал. Девушка встретила его взгляд со стеклянной, профессиональной сосредоточенностью, её спина выгибалась дугой на шёлковых простынях, пока он отбивал безжалостный ритм, и каждый толчок эхом отдавался в изголовье кровати.

Глава 110. Жди моего хода

Он не задержался надолго. Опьянение моментом брало своё — неистовая потребность видеть её со всех ракурсов. Он отстранился, его кожа стала скользкой от пота, и подтолкнул её, заставляя встать на четвереньки.

— Оставайся так, — приказал он низким, рваным шёпотом.

Она тотчас повиновалась, прижав ладони к матрасу. Серон переместился к ней за спину, запустил пальцы в её волосы, чтобы откинуть ей голову назад, и снова вошёл в неё.

Эта поза была грубой, первобытной — то самое развлечение, которого он всегда жаждал, но редко получал от девушек, которых пытался впечатлить в своей прошлой жизни. Он наклонился над ней, прижимаясь грудью к её позвоночнику и направляя её бёдра жёсткой, почти грубой хваткой, пока наращивал темп.

Узел в животе затягивался всё туже — раскалённое добела напряжение, от которого зрение расплывалось по краям. Он чувствовал, как нарастает кульминация, подобно приливной волне, грозящей смыть все мысли о Максе, полиции и фальшивых бриллиантах. Он замедлился на мимолётное мгновение, смакуя трение, прежде чем совершить последний, отчаянный рывок.

Он сжал её бёдра так сильно, что его костяшки побелели, а дыхание вырывалось резкими, рваными толчками. С низким, гортанным стоном, больше похожим на избавление от боли, чем на возглас удовольствия, его наконец прорвало. Он рухнул вперёд, прижав её своим весом к кровати, и мир затих на несколько блаженных секунд.

Когда он отстранился и перекатился на спину, глядя на богато украшенный потолок гостиничного номера, девушка тут же начала приходить в себя, и на её лицо вернулась нейтральная, профессиональная маска.

Серон не смотрел на неё. Он просто лежал, и тишина в комнате давила осознанием того, что он больше не просто сын — он стал винтиком в механизме.

—-

Солнце едва начало клониться к горизонту, когда тяжёлые, укреплённые двери полицейского участка распахнулись. Никаких наручников, никаких поникших голов и уж точно никакого стыда.

Первой вышла Вайолет, поправляя свои дизайнерские солнцезащитные очки так, словно выходила из элитного бутика, а не из камеры предварительного заключения.

Следом за ней Эйс повёл плечами; свежая повязка на затылке была скрыта поднятым воротником его куртки. У обочины на холостом ходу стояла целая вереница чёрных внедорожников, их моторы издавали низкий, хищный рык.

К тому времени, как новость появилась на экране телевизора в спальне Макса и Руби, повествование уже было ювелирно подправлено благодаря влиянию Синдиката.

Руби резко села в кровати, и остатки её умиротворённого утра разлетелись вдребезги, когда голос ведущего новостей заполнил комнату. Макс сжал пульт так сильно, что пластик затрещал.

— В результате шокирующего поворота событий, — начал ведущий, — громкие аресты Вайолет Браун и Эйса Брауна были признаны Офисом Комиссии ужасающей судебной ошибкой. Источники в департаменте утверждают, что весь рейд был основан на сфальсифицированных цифровых доказательствах, подброшенных недовольным членом семьи, стремящимся их погубить.

У Руби по коже побежали мурашки, а по спине пробежала холодная, животная дрожь.

— Представитель полиции заявил, что обнаруженные файлы были не уликой, а тщательно подброшенными материалами, и что для преследования жертв использовалось неза-

конное средство слежения. Обвинения были немедленно сняты, и ожидается, что будут принесены официальные извинения. Более того, департамент начинает расследование в отношении информатора по делу о подделке улик и преследовании.

— Они сделали преступниками нас, — прошептала Руби, её голос дрожал от смеси ярости и чистого, неподдельного ужаса. — Макс… они говорят всему миру, что это мы подбросили улики. Они обращают закон против нас.

Макс встал. Его лицо было каменной маской, но глаза — дикими. Он посмотрел на экран, где Вайолет мельком помахала репортёру с торжествующей, леденящей душу улыбкой на губах. Она посмотрела прямо в камеру, и на долю секунды показалось, что она смотрит прямо в их спальню.

— Это Синдикат, — сказал Макс, его голос был низким, опасным рокотом. — Они не просто откупились. Они переписали правду. Они превратили полицию в свою частную пиар-контору.

Убежище их спальни вдруг показалось стеклянной клеткой. Руби обхватила руками живот, чувствуя внутри жизнь — напоминание о том, как много они могут потерять. Эта формальность была не просто юридической лазейкой, а объявлением войны. Вайолет была не просто на свободе — она была оправдана, и теперь у неё было «законное» право прийти за ними.

Воздух в спальне, ещё недавно тёплый и томный от неги после их близости, вдруг стал ледяным. Телефон Макса не просто зазвонил — он завибрировал на тумбочке с яростной, ритмичной настойчивостью, похожей на биение сердца.

Ему не нужно было смотреть на определитель номера. Он знал.

Руби смотрела на него, затаив дыхание, как Макс медленно потянулся к телефону и провёл пальцем по экрану. Он включил громкую связь, и его рука дрожала от сдерживаемого желания раздавить аппарат.

— Здравствуй, Макс, — промурлыкал в трубке голос Вайолет. Он был мягким, мелодичным и пугающе спокойным — голос женщины, которая только что прошла сквозь огонь, не опалив и нити своего шёлкового платья. — Надеюсь, я ничему не помешала. Надеюсь, ты скучал по мне, потому что я — да.

Макс вцепился в край матраса, его костяшки стали мертвенно-белыми. — Сколько это тебе стоило, Вайолет? Сколько пришлось заплатить, чтобы купить всю Комиссию?

Лёгкий, леденящий смех эхом разнёсся по тихой комнате. — О, дорогой, ты всё ещё мыслишь такими мелкими, рыночными категориями. Дело было не в деньгах. Дело в порядке. Город не может функционировать без таких, как я. Полиция поняла, что допустила канцелярскую ошибку. Очень… досадную.

Наступила пауза, тишина на линии была тяжела от хищного напряжения. Руби подалась вперёд, её глаза расширились, а рука инстинктивно прикрыла живот.

— Я видела твою маленькую игрушку, Макс, — продолжила Вайолет, её тон сменился на низкий, рваный шёпот. — Ту, что ты пристроил Эйсу за шею. Очень умная вещица. Жаль, что теперь она разлетелась на куски. Прямо как твои улики.

— Я знаю, что мы только начали, ты ещё не видела моих следующих ходов, — начал Макс низким, рычащим голосом.

— Мне не нужно видеть твой следующий ход, Макс. Лучше посмотри на мой. Мне принадлежат улицы, по которым ты ездишь. Мне принадлежит воздух, которым ты сейчас дышишь, — перебила Вайолет.

— Ты пытался меня похоронить. Пытался заручиться поддержкой общества. Но всё, чего ты добился, — это показал мне, где спрятано твоё сердце. И теперь, когда я на свободе, думаю, я проведу вечер, решая, какую часть твоей жизни разобрать на куски первой.

— Отлично, потому что я планирую сделать то же самое, — прошипел Макс, его глаза горели тёмным, отчаянным огнём.

— Ох, Макс, — в голосе Вайолет сквозило веселье с острой, насмешливой ноткой, от которой каждое слово жалило. — Всё такой же… забываешь, что был всего лишь невинным мальчиком, которого я пригрела.

В её тоне слышалась ухмылка, хитрая и преднамеренная, та, что несла в себе и угрозу, и снисхождение. Казалось, каждый слог извивался в воздухе, сплетаясь в насмешку, которую невозможно было проигнорировать.

— Проверь новости через час, милый. Прямо сейчас выписывают ордер. Преследование, домогательство и подделка цифровых данных. Может, тебе стоит собрать вещи, Макс. Камера, которую ты для меня выбрал? Она на удивление просторная. Я позаботилась, чтобы её оставили для тебя тёплой.

Связь оборвалась с последним, резким щелчком.

Макс уставился на чёрный экран, и тишина в комнате звучала громче любой угрозы. Вайолет была не просто на свободе — она вела охоту. И она использовала тот самый закон, которому доверял Макс, в качестве приманки в своей ловушке.

В хозяйской спальне тишина после звонка Вайолет была оглушающей. Макс сидел на краю кровати, всё ещё сжимая телефон в руке, словно стреляную гильзу. Золотой утренний свет теперь казался лучом прожектора, высвечивающим их уязвимость.

— Они идут за нами, — прошептала Руби напряжённым, дрожащим голосом, который она тщетно пыталась унять. — Они не просто на свободе, Макс… они забрали всё. Правду. Всё, во что мы верили.

Взгляд Макса заострился, стал тёмным и уверенным, но его рука потянулась к её руке и сжала её ровно настолько, чтобы вернуть ей самообладание. — Руби, — сказал он низким, но твёрдым голосом, — не волнуйся. Я всё улажу. Ты же веришь мне, правда?

Руби заставила себя кивнуть, проглатывая панику, подступавшую к горлу.

Губы Макса коротко прижались к её лбу — мимолётное утешение, — после чего он слегка откинулся назад, расчётливо сузив глаза и глядя куда-то в сторону горизонта. — Хорошо. Так что не нервничай. Я с этим разберусь. Ты… думай о нашем малыше. Думай о своём здоровье. Сохраняй спокойствие.

Руби прерывисто вздохнула, заставляя себя встретить его спокойный, непоколебимый взгляд. Грядущая буря должна была ударить по ним со всей силы, но Макс ясно дал понять — её самообладание имело значение. Ему нужно было, чтобы она держала себя в руках.

И ради него, ради их ребёнка, Руби подавила страх, расправила плечи и снова кивнула.

— Я буду спокойна, — прошептала она, скорее себе, чем ему, но Макс услышал.

Макс вскочил на ноги, его движения были рваными и лихорадочными. Он зашагал по плюшевому ковру, лихорадочно перебирая в уме все контакты, всех адвокатов и все долги, которые он мог взыскать.

Но пока по экрану продолжала ползти новостная строка: «Расследование в отношении Максимилиана Байрона по делу о подделке улик», — он понял, что стены не просто сжимаются. Их перестраивали архитекторы Синдиката.

— Сэмюэл! — взревел Макс, направляясь к двери.

Глава 111. Явиться с повинной

Макс провёл рукой по волосам, тщательно зачёсывая их назад, и надел свой лучший костюм, ткань которого, словно вторая кожа, олицетворяла контроль.

— Позвони адвокатам, — произнёс он спокойным, но отрывистым голосом, бросив взгляд на Руби. — Судья, который выдал ордер? Конечно же, его купила Вайолет. Крис советует мне сдаться полиции, а с остальным он разберётся.

Руби всё ещё была в спальне, подавляя тревогу, скручивающуюся в груди. — Она знает? — тихо спросил Сэмюэл с беспокойством в голосе.

— Ей не нужно знать подробностей, — ответил Макс. — Скажи охране быть начеку. — Он подошёл ближе, его голос звучал низко и властно.

— Проследи, чтобы она вышла. — Когда они вышли на улицу, Руби смотрела им вслед из окна. Она заставила себя выровнять дыхание, легко прижав ладони к стеклу, пока машина Макса плавно отъезжала от поместья, оставляя её в хрупкой, напряжённой тишине.

К тому времени, как Макс прибыл в полицейский участок, воздух там был густым, таким тяжёлым, что можно было задохнуться. Он широким шагом подошёл к дежурной части, стиснув челюсти и с непроницаемым выражением лица, и молча выложил на стойку телефон и личные вещи. Дежурные нервно переглянулись, чувствуя спокойную опасность, исходившую от него.

Один из офицеров откашлялся. — Сэр… э-э… вы ведь понимаете, что формально вы арестованы, да?

Макс поднял холодный, точный взгляд. — Формально, да. Но я здесь не для того, чтобы спорить о процедурах. Я здесь, чтобы всё для нас упростить.

Другой офицер, помоложе, теребя в руках ручку, попытался продемонстрировать власть. — Вы знаете, во что ввязываетесь? Судья выдал ордер...

Макс прервал его, медленно покачав головой. Его голос был низким и размеренным. — Знаю. А ещё я знаю, что судья сидит у кое-кого на зарплате. Так что давайте обойдёмся без этого спектакля.

Пожилой детектив пробормотал себе под нос: — Он даже не боится…

Макс взглянул на него, и в уголке его рта появилась слабая усмешка. — Страх переоценён. Эффективность недооценена. А теперь давайте не будем задерживаться.

Напряжение в комнате сгустилось, но Макс не дрогнул. Он не стал дожидаться, пока они начнут угрожать Руби, не позволил им добраться до поместья. Он сам вошёл в львиное логово — спокойный, точный, каждый его шаг был просчитан, и все в комнате это понимали.

За перегородкой один из охранников прошептал другому: — Кто этот парень?

Ответ прозвучал приглушённо, почти с благоговением: — Не знаю… но я бы пошёл за ним в ад и обратно.

Макс уловил обрывки их шёпота, и в его глазах промелькнуло слабое, холодное веселье. — Хорошо, — пробормотал он себе под нос. — Закончим с этим побыстрее.

Игра началась, и Макс уже был на три хода впереди.

Офицер повёл его по стерильному коридору, крепко сжимая планшет и нервно переводя взгляд с Макса на стены, словно напряжение в воздухе могло взорваться в любую секунду. — Вас допросят здесь, — сказал он, пытаясь говорить властно, хотя в его голосе и проскальзывали нервные нотки.

Макс медленно кивнул, его немигающий взгляд был устремлён вперёд. — Конечно, — ровным тоном произнёс он. — Я готов. Давайте действовать эффективно.

Внутри комнаты для задержанных не оказалось ожидаемых инструментов контроля. Ни наручников, ни холодной, неумолимой камеры. Лишь слабое гудение люминесцентных ламп и ожидание дальнейших процедур.

Прошло пять минут — пять долгих, размеренных минут, наполненных суетой звонков на высшем уровне и несколькими тщательно сформулированными угрозами, которые Крис прошептал по защищённым линиям. Затем, без предупреждения, железные ворота с гудением открылись.

Макс шагнул вперёд. Каждое его движение было осознанным и выверенным. Коридор теперь казался теснее, а гул ворот стал сигналом, что эта часть игры изменила свой ход.

Офицер с трудом сглотнул. Его голос звучал неуверенно. — Сэр… обвинения сняты. Вы… э-э…

Макс склонил голову набок, его выражение лица было спокойным, почти дразнящим. — Я могу идти? Спасибо.

На лице офицера промелькнула тень беспокойства, но Макс не стал дожидаться ответа. Каждый его шаг был точным и выверенным — так двигается хищник по территории, которая уже ему принадлежит.

Игра была далека от завершения, но сейчас льва не удалось запереть в клетке. И все в комнате это знали. Он вышел, чтобы забрать свои вещи.

— Вы, богачи… приходите и уходите, когда вам заблагорассудится, будто это пятизвёздочный отель, — пробормотал младший по званию офицер, передавая Максу его ремень и часы. Голос его сочился отвращением.

— Сначала у них «железобетонные» доказательства преступления, а в следующую минуту — «канцелярская ошибка». Должно быть, приятно быть хозяином правды.

Макс не ответил. У него не было времени на негодование офицера. Он схватил свои вещи и бросился к выходу, где Сэмюэл уже ждал его в машине с работающим двигателем. — Поехали! — рявкнул Макс, запрыгивая внутрь. — Это был отвлекающий манёвр. Они просто хотели, чтобы я увяз в бумагах, пока они действуют.

—-

На другом конце города, в стерильном холоде квартиры Джулиана, телевизор тоже был настроен на новости. Нэнси сидела, закутавшись в шёлковый халат; тяжёлые, вялые последствия наркотика и встречи с незнакомцем всё ещё сковывали её тело.

Джулиан стоял у окна с новой, незажжённой сигарой в руке. Он смотрел на экран, где Вайолет и Эйс спускались по ступеням полицейского участка, а их лица скрывала маска торжествующего высокомерия.

— Посмотри на них, — произнёс Джулиан, его голос был низким и бархатным. — Герои дня. Система не просто дала сбой ради них, Нэнси, она прогнулась.

Взгляд Нэнси метнулся к экрану. Вид ухмылки Вайолет подействовал как укол адреналина, прорвавшись сквозь наркотический дурман. Её руки затряслись — на этот раз не от ломки, а от холодной, всепоглощающей ярости.

— Они на свободе, — прохрипела она голосом, похожим на скрежет битого стекла. — Они снова на своих тронах.

— Верно, — подтвердил Джулиан, поворачиваясь к ней. — И теперь закон служит им щитом. На Макса открыта охота. Синдикат вернул себе улицы.

Он подошёл ближе и наклонился так, что его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от её. — Вот почему я тебе нужен, Нэнси. Тебе не победить их с одним пистолетом и жаждой мести. Ты должна стать призраком. Потому что пока Макс пытается играть по правилам, мы будем играть по их правилам.

Нэнси посмотрела на телевизор, затем на мужчину, который её продал, а потом на пустой шприц на тумбочке. Список тех, кто должен был заплатить, становился всё длиннее, и впервые она поняла, что для убийства Дракона, возможно, придётся самой им стать.

—--

Пока Макс мчался назад к обеспокоенной Руби, на окраине города начиналось совсем другое путешествие.

Тяжёлый чёрный фургон подъехал к служебному входу отеля Серона. Из него вышли Вайолет и Эйс, выглядевшие отдохнувшими и неприкасаемыми. Серон ждал, и его сердце бешено колотилось в груди, когда к нему подошли двое огромных мужчин в костюмах.

— В целях безопасности, — сказал Эйс холодным голосом, доставая из кармана плотную чёрную шёлковую повязку. — Сердце Синдиката — это тайна. Даже ты не увидишь дорогу туда, пока не заслужишь этого.

Серон почувствовал, как шёлк туго обернулся вокруг его глаз, погружая мир в полную темноту. Его повели под руки, он слегка споткнулся, а затем его затолкали в кузов фургона. Он услышал, как со щелчком закрылась тяжёлая раздвижная дверь — звук, не оставляющий надежды.

— Куда мы едем? — прошептал Серон, его голос дрожал в темноте.

— В Аквариум, сынок, — донёсся голос Вайолет спереди. Он звучал скорее как голос хищницы, а не матери. — Пора тебе увидеть, какой именно «товар» поддерживает жизнь нашей империи. Только помни... увидев это однажды, ты уже никогда не сможешь это развидеть. Теперь ты Дракон. Веди себя соответственно.

Фургон рванул с места и, петляя по закоулкам и промзонам, понёсся вперёд. Маршрут был выбран так, чтобы, даже если бы Серон мог видеть, он бы безнадёжно заблудился. Его везли в самые тёмные уголки страны, подальше от закона, который так отчаянно пытался отстоять Макс.

-

Тем временем у поместья с визгом затормозила машина. Сэмюэл резко остановил её на подъездной дорожке, оставив на асфальте следы жжёной резины. Макс ворвался в парадную дверь, адреналин всё ещё бурлил в его крови. Он сразу же увидел Руби. Она металась по фойе, её движения были судорожными, лицо — бледным, а глаза — красными и воспалёнными от слёз.

— Макс! — воскликнула она, бросаясь к нему и обвивая его руками.

— Я здесь, — выдохнул он, прижимая её к себе и положив руку ей на поясницу, чтобы унять её дрожь. Но его взгляд не задержался на ней — он обшаривал затенённые углы дома, выискивая малейшие признаки вторжения. Все инстинкты вопили об опасности.

Руби прижалась к нему, тихо всхлипывая, но Макс и сам это чувствовал — слишком отчётливо. Пятиминутное задержание не было ошибкой. И не было случайностью.

Это было послание. Вызов.

Вайолет и Эйс были там, снаружи, — выжидали, просчитывали, готовые нанести удар прямо в тёмное сердце Синдиката. И впервые за долгое время Макс понял, что грядущие события будут не просто борьбой за выживание, а битвой за контроль, власть и возможность оставаться на шаг впереди хищников, которые наконец осмелились нанести ответный удар.

Он крепче обнял Руби и прошептал низким, твёрдым голосом: — Всё хорошо, детка. Я с тобой, и мы не позволим им победить.

Руби кивнула, заставляя себя дышать, чтобы найти опору в его силе. Но даже прижимаясь к нему, она чувствовала, как её сердце трепещет от осознания того, что буря снаружи только начинается.

Глава 112. Аквариум

Дорога в Аквариум была тенью, в которой ни Акация, ни Миа не смогли бы найти путь в одиночку. Даже с фамилией Байрон, святая святых Синдиката была призраком, видимым лишь тем, кто пролил кровь за право носить его метку.

Миа сжала телефон до побелевших костяшек и набрала номер, к которому не прикасалась много лет. На третий гудок ответил мужчина по имени Сайлас. Он был старым партнёром семьи, человеком, от которого пахло дорогим одеколоном и порохом.

— Сайлас, это Миа Байрон, — сказала она, перейдя на жёсткий, деловой тон. — Хватит отсиживаться в стороне. Я хочу в дело. Я хочу вступить в Синдикат Дракона.

В трубке раздался низкий, хриплый смешок. — Маленькая принцесса захотела поиграть в грязи? Это тебе не по зубам, Миа.

— Я серьёзно, — прошипела Миа, бросив взгляд на Акацию, которая смотрела на неё со смесью любопытства и скептицизма. — Думаешь, я для этого не гожусь? У меня прямо сейчас есть пять девушек для Аквариума. Свежие, неотслеживаемые и очень ценные. И это лишь образец того, что я могу предложить.

Она говорила о жизнях девушек так, словно торговала акциями, а её совесть была полностью выжжена жаждой власти.

— Не меня тебе нужно убеждать, Миа, — сказал Сайлас, и его голос стал на удивление мрачным. — Тебе нужно поговорить со своим отцом.

Миа замерла. Воздух в машине вдруг стал разреженным. — Что ты имеешь в виду? Какое отношение мой отец имеет к иерархии Синдиката?

— Что я имею в виду? — Сайлас снова рассмеялся, но на этот раз в его смехе не было и намёка на веселье. — Миа, ты и вправду ничего не замечала. Думаешь, фамилия Байрон имеет вес только из-за старых денег и недвижимости? Связи твоего отца не просто глубоки. Он — Высокий Дракон. Один из крупнейших в стране.

Телефон чуть не выскользнул из руки Мии. Она знала, что её отец был человеком огромного влияния, промышленным титаном, который вращался в недоступных ей кругах, но всегда считала Синдикат отдельным, более тёмным миром.

— Мой отец… Дракон? — прошептала она. Осознание обрушилось на неё, как удар.

— В этом регионе он и есть Синдикат, — подтвердил Сайлас. — Если хочешь вступить, ты просишь не меня. Ты просишь человека, который тебя вырастил. Но учти, Миа, он не прощает провалов, даже если речь идёт о его собственной крови.

Миа повесила трубку, голова у неё шла кругом. Та самая империя, которую она пыталась вернуть, уже была построена на фундаменте Синдиката. Всё это время она пыталась найти дверь во тьму, не осознавая, что родилась уже внутри этой комнаты.

— Что он сказал? — спросила Акация, заметив мертвенную бледность на лице Мии.

— Мой отец, — прохрипела Миа, повернувшись к ней. — Он не просто Байрон, Акация. Он — глава чудовища. Он всё это время управлял Драконами.

Глаза Акации расширились. — Тогда нам не нужна карта, чтобы найти Аквариум. Нам просто нужно найти твоего отца.

Воздух в гараже был холодным и пах сырым бетоном. Сайлас стоял, прислонившись к чёрному бронированному внедорожнику, его лицо было частично скрыто в тени от полей шляпы.

— Нет, — прошептала Миа, её голос был сдавлен новообретённым страхом. — Мой отец… он меня не впустит. Он не зря держал меня в неведении. Мы встречаемся с Сайласом. Именно он нас и доставит.

Когда они наконец подошли, Миа не стала дожидаться приветствий. — Что ж, хорошо. Веди нас, — потребовала она, пытаясь вернуть себе власть.

Сайлас оттолкнулся от машины, и по его лицу расползлась медленная, насмешливая улыбка. — Что ж, правила есть правила, принцесса. Я отведу тебя… и твои маленькие «подарочки» тоже. — Он указал на пятерых девушек позади них, которых Миа привела в качестве залога.

Прежде чем Миа успела ответить, Сайлас щёлкнул пальцами. Двое огромных, молчаливых мужчин в тактическом снаряжении бросились к Мие и Акации. Девушки попятились, защищаясь руками.

— Что вы делаете?! — рявкнула Миа, её сердце бешено заколотилось.

— Стандартная процедура, — сказал Сайлас, перейдя на низкий, бесстрастный тон. — К сожалению, на время пути вам придётся завязать глаза. Не волнуйтесь, мои мальчики не кусаются.

Тяжёлую чёрную шёлковую ткань туго завязали, погрузив Мию и Акацию в ужасающую пустоту. Их схватили под руки и забросили в кузов фургона.

Поездка казалась вечностью. Лишившись зрения, Миа почувствовала, как обострились все остальные чувства. Она ощущала, как фургон резко поворачивал налево, затем направо, а после начал спуск по чему-то, похожему на крутой подземный пандус.

Звук двигателя эхом отдавался от каменных стен. Лязг. Открылись тяжёлые железные ворота. Фургон пополз вперёд. Лязг. Ещё одни ворота. Воздух стал прохладнее, в нём пахло солью, озоном и чем-то приторно-сладким, похожим на гниющие лилии.

— Мы на месте, — прогремел голос Сайласа, приглушённый перегородкой.

Фургон остановился. Раздвижная дверь со скрипом отъехала в сторону, и внутрь ворвался влажный, тяжёлый воздух комплекса. Мию вытащили наружу, её каблуки зацокали по металлической решётке, гудевшей от вибрации огромных промышленных вентиляторов.

Их провели через последнюю, тяжёлую дверь. С них сорвали повязки, и внезапный свет флуоресцентных ламп больно ударил Мие по глазам.

Внезапный, холодный свет потолочных светодиодных ламп ударил по глазам, когда с них сорвали повязки. Переход от полной темноты к подземному комплексу был резким, но зрелища, что предстало перед ней, было достаточно, чтобы кровь застыла в её жилах.

Они стояли на полированном металлическом мостике с видом на огромное круглое помещение внизу. Под ними «Аквариум» полностью оправдывал своё название — это была серия перегородок из армированного стекла и стерильных белых комнат, больше похожих на аквариум, чем на тюрьму.

Охранники вытолкнули вперёд пятерых девушек, которых привела Миа. Они дрожали, их всхлипы отдавались эхом от холодных промышленных стен. Мужчины в тактическом снаряжении обращались с ними не со злобой, а как со скотом. С отработанной, механической эффективностью они задрали девушкам рукава, обнажая бледную кожу на плечах.

У Мии перехватило дыхание, когда она увидела, как вперёд вышел мужчина в белом лабораторном халате. Он держал в руках небольшое высокотехнологичное устройство, издававшее тихое электронное гудение.

— Что они с ними делают? — спросила Миа, и её голос прозвучал тише, чем она хотела.

Глава 113. Брендинг

— Просто маленькая рыбья метка, — объяснил Сайлас, стоя рядом с ней и сцепив руки за спиной. — Их нужно клеймить. В этом мире у всего есть хозяин, Миа. Метка гарантирует, что если одна из них попытается уплыть, вся страна будет знать, кому она принадлежит.

Пш-ш-ш… шипение.

Устройство прижалось к коже первой девушки. Она издала резкий, сдавленный крик, когда маленькая, замысловатая иссиня-чёрная татуировка в виде стилизованной рыбы с драконьей чешуёй выжглась на её плоти. Это были не просто чернила, а отслеживающий чип и вечный знак рабства.

Миа и Акация переглянулись. В глазах Мии не было ужаса — лишь тёмное, зарождающееся восхищение. Она оглядела охранников, высококлассные мониторы наблюдения и истинный масштаб операции. Это и была та власть, за которой она гналась. Это была Империя Байронов, которую публика никогда не видела.

— Понятно, — сказала Миа, и её голос снова обрёл жёсткость. Она, не дрогнув, наблюдала, как клеймят вторую девушку. — Эффективно.

Акация опёрлась на перила, окидывая взглядом комплекс. — Это больше, чем эффективно, Миа. Это целое королевство.

Сайлас широко развёл руки, и в его глазах сверкнуло извращённое чувство гордости, пока запах озона и палёной кожи доносился до мостков.

— Добро пожаловать в Аквариум, — прогремел его голос. — Вы хотели увидеть настоящую силу Драконов? Вот она. Каждая девушка внизу — золотая жила. Каждый подписанный здесь контракт наполняет карманы людей, которых вы каждый вечер видите в новостях.

Он повернулся к Мии, его взгляд был пронзителен. — Теперь, когда ты увидела чрево зверя, ты всё ещё считаешь, что готова его кормить?

Воздух в дальнем конце зоны обработки был густым от запаха озона и палёной кожи. Миа шагнула вперёд, её лицо стало маской холодной решимости.

Она не просто смотрела, а протянула руку и взяла инструмент для клеймения из рук техника. Уверенной хваткой она прижала вибрирующий, раскалённый наконечник к руке последней девушки, которую привела.

Крик девушки эхом отразился от стерильных стен, но Миа даже не моргнула. Она держала инструмент, пока фирменная иссиня-чёрная метка рыбы не выжглась идеально на плоти.

— Верность доказана, — прошептала Миа, возвращая инструмент.

Как только техник отошёл, тяжёлые двойные двери в конце коридора с шипением открылись. Вошла Вайолет, её каблуки отстукивали смертоносный ритм по металлической решётке. За ней шёл Эйс со скучающим видом и Серон, который буквально вибрировал от лихорадочной, нервной энергии.

— Сколько девушек в тех блоках? — спрашивал Серон, его голос слишком громко отдавался эхом в тихой, деловой атмосфере Аквариума. — Где их держат по ночам? Как работает вентиляция? И деньги, сколько «куратор» на самом деле забирает себе с контракта?

— Слишком много вопросов, Серон, — отрезала Вайолет, её голос прозвучал как щелчок кнута. — Сперва докажи, что у тебя есть стержень. Синдикат платит не за любопытство, он платит за результат.

Они вошли в главный отсек, оказавшись лицом к лицу с Мией, Акацией и Сайласом. Воздух в помещении мгновенно сгустился. Сайлас тут же выпрямился, слегка склонив голову перед Вайолет.

— Мадам, — поприветствовал её Сайлас, и в его тоне сквозило такое уважение, какого он не выказывал Мии.

Миа сощурилась, глядя на Вайолет. — Мне следовало догадаться, — сказала она, и её голос сочился ядом. — Я знала, что у тебя есть связи, но не предполагала, что именно ты держишь на поводке Синдикат Дракона.

Акация опустила взгляд на свои ботинки, не в силах выдержать ужасающий, ледяной взгляд Вайолет.

— Что они здесь делают? — спросила Вайолет у Сайласа, полностью игнорируя Мию, словно та была случайной ворсинкой на её пальто.

— То же, что и твой бесполезный сынок, — выплюнула Миа, шагнув ближе. — Мы здесь ради власти. Мы здесь ради денег. Или ты думала, что только у тебя одной хватит духу нырнуть поглубже?

Лицо Серона залилось краской. Он шагнул вперёд, сжимая кулаки и готовый наброситься на неё за оскорбление. — Следи за языком, Миа…

Рука Эйса метнулась вперёд, схватив Серона за плечо мёртвой хваткой. — Не здесь, — предостерёг Эйс низким, опасным голосом. — В Аквариуме мы не сводим счёты из-за семейных обид.

Вайолет окинула Мию и Акацию взглядом, полным чистой, клинической отстранённости. — Понятно, — наконец сказала она. — Хорошо. Пусть работают. Обращайтесь с ними так же, как с любыми другими новичками. Если они переживут первую неделю обработки, посмотрим, стоят ли они того шёлка, что на них надет.

Она развернулась на каблуках, жестом велев Серону следовать за ней. Пока они шли к тяжёлым, укреплённым лифтам, ведущим на нижние уровни, Вайолет наклонилась к уху сына.

— Здесь ты должен контролировать свой нрав, Серон, — прошипела она, не сводя глаз с камер наблюдения, которыми был утыкан коридор. — Ещё одна вспышка, ещё один глупый комментарий, и ты окажешься не в платёжной ведомости, а в мешке для трупов в гавани. Ты меня понял?

Серон тяжело сглотнул. Холодная реальность Аквариума наконец-то начала доходить до него, пока лифт продолжал спуск, а воздух становился всё холоднее и плотнее, чем глубже они погружались в подземное сердце горы. Когда двери наконец с шипением открылись, за ними оказался зал, который меньше походил на подвал и больше — на высокотехнологичный бункер.

— Девушек держат здесь, — сказала Вайолет, её голос эхом отразился от армированного бетона. Она даже не обернулась на Серона. — Ты встретишься с ними позже. А сейчас я представлю тебя людям, которые будут твоими кураторами. Завтра суббота, и у нас обязательное собрание. Я хочу, чтобы ты на нём присутствовал и вёл себя наилучшим образом. Не позорь меня.

Эйс прислонился к раме лифта, и медленная, хищная ухмылка расплылась по его лицу, когда он увидел, как у Серона едва не подкосились колени под тяжестью этой атмосферы.

Субботнее утро наступило с леденящей, клинической эффективностью. «Аквариум» служил неоспоримой штаб-квартирой Синдиката Дракона — местом, где заканчивался закон и начинался новый, более тёмный порядок.

Серон стоял в тени Большого Зала, и у него перехватило дыхание, когда начали прибывать участники собрания. Он ожидал увидеть бандитов и уличных боссов, но вместо этого наблюдал, как из защищённых лифтов выходит парад самых влиятельных фигур страны.

Глава 114. Сильные мира сего

Политическая Элита стояла тихими группами — мужчины, чьи лица когда-то смотрели с предвыборных плакатов и экранов национального телевидения. Бывший Президент. Нынешние Сенаторы. Три действующих Министра. Те самые архитекторы законов, что формировали жизни миллионов.

И они были здесь. Не как высокопоставленные лица. Не как лидеры. А как... участники.

Неподалеку собрались Правовые Столпы — Судьи Высшего Суда в сшитых на заказ костюмах, с непроницаемыми выражениями лиц, а их присутствие давило тяжестью невысказанных вердиктов. И тут у Серона перехватило дыхание: он увидел Комиссара.

Того самого, что подписал документы об освобождении Вайолет. Того самого, что стоял перед камерами, говоря о правосудии и порядке.

Теперь он тихо смеялся над чем-то, что сказал Эйс. Словно они были старыми друзьями. Словно все это ничего не значило.

Затем были Титаны. Мужчины и женщины, чьи имена жили в финансовых заголовках и на мировых рынках. Генеральные директора из списка Форчун 500. Судоходные магнаты, чьи флотилии правили международными водами. Империи в человеческом обличье.

Деньги. Власть. Закон. Все в одной комнате. Все... на одной стороне.

Они двигались с устрашающей грацией, скользя по полированному полу, обмениваясь рукопожатиями и понимающими улыбками — не как преступники, плетущие заговор во тьме, а как коллеги, пришедшие на заседание совета директоров.

Знакомые. Расслабленные. Неприкасаемые. У Серона сжалась грудь.

Потому что это... это и была та настоящая правда, которую никто никогда не произносил вслух: миром управляли не извне.

Им управляли изнутри. Его взгляд метнулся к Эйсу как раз в тот момент, когда мужчина, которого Серон видел в вечерних новостях меньше суток назад, шагнул вперед и пожал ему руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.